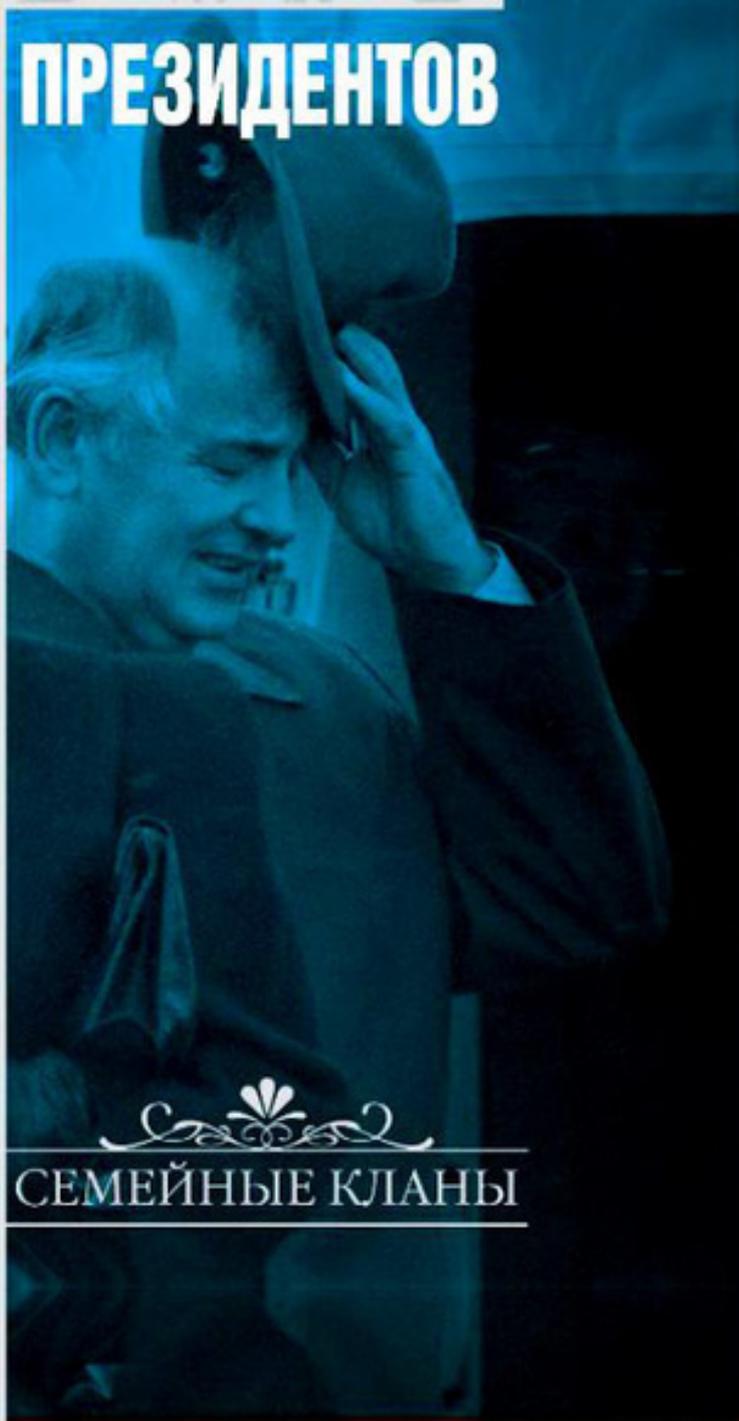

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

ГОРБАЧЁВЫ

ЧЕТА

ПРЕЗИДЕНТОВ

СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ

Семейные кланы

Сергей Платонов

Горбачевы. Чета президентов

«Алгоритм»

2012

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Платонов С. В.

Горбачевы. Чета президентов / С. В. Платонов —
«Алгоритм», 2012 — (Семейные кланы)

ISBN 978-5-6995-5008-1

Михаил Горбачев возглавил Советский Союз формально один, а фактически вместе с Раисой Максимовной. Только страна не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем. В январе 2012 года Раисе Максимовне Горбачевой исполнилось бы 80 лет... Автор Сергей Платонов – контрразведчик. В силу профессиональной деятельности ему не только довелось наблюдать героев лично, но и участвовать в мероприятиях, влиявших на ход современной истории, о которых можно рассказать только сейчас, да и то не всё. Оттого о многих фактах и событиях читатель узнает впервые. Прежде всего, это касается тех сведений, где речь идет о дружбе четы Горбачевых с агентом трех спецслужб, видным деятелем «пражской весны» Зденеком Млынаржем; об истинных причинах убийства коммунистического лидера Румынии Николае Чаушеску и его жены Елены; об атомном проекте; о странной роли Андропова в возвышении Горбачева; об обстоятельствах формирования антисоветских и антисоциалистических планов Михаила Горбачева под влиянием Яковлева и Шеварднадзе; о том, как перестройка в «горбачевском варианте» была задумана и проводилась по инициативе Запада. По-новому показывает автор и обстоятельства ГКЧП, истинную роль в этих событиях самого М. Горбачева – первого и последнего президента СССР. В художественно-документальной форме С. Платонов показывает, как провинциалы Михаил и Раиса Горбачевы смогли возглавить, а потом развалить самую могучую в мировой истории Советскую империю.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-6995-5008-1

© Платонов С. В., 2012

© Алгоритм, 2012

Содержание

От сказки – к быти. Вместо пролога	7
Москва	10
Арест	13
Первая и последняя	14
Клятва	16
Лондон	20
Юрист широкого профиля	23
Минеральный секретарь	25
«Сон» Леонида Ильича	33
Пицунда	37
«Архитекторы»	41
Смотрины в Лондоне	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Платонов

Горбачевы: чета президентов

© Платонов С.В., 2012

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

© ООО «Издательство Эксмо», 2012

* * *

Посвящается жене Людмиле

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Все ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Ф. Тютчев

*Рассказать вам о всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках.
Рассказать вам о всех мировых подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах...*

Георгий Иванов

От сказки – к были. Вместо пролога

Михаил и Раиса родились и жили в государстве, которое возникло из хаоса Великой Рабоче-крестьянской революции 1917 года за полтора десятка лет до их появления на свет. Это было необычное государство. Было, потому что еще при их жизни и, самое главное, в том числе по их вине, его не стало. Необычное, потому что впервые в мировой истории его целью стало создание коммунистического общества, в котором, согласно сказочным народным представлениям, текут молочные реки в кисельных берегах. Вначале получалось что-то примитивное, но большинство народа считало его самым лучшим и справедливым. Потому что в нем как никогда и нигде прежде эффективно заработала система социальных лифтов. Вчерашние рабочие, крестьяне и кухарки активно вовлекались во все сферы строительства жизни нового общества. Представители бывшего правящего слоя и «эксплуататорских классов», которые противились этому процессу, новой властью безжалостно подавлялись. Эхо этих расправ не утихает до настоящего времени.

Прежняя российская цивилизация была разрушена до основания согласно главному лозунгу первостроителей коммунизма: «Весь мир насилья мы разрушим, до основанья. А затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем». Так и жили. Первые четыре года разрушали. Потом написали «план построения коммунизма» и назвали его так: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Правда, тогда никто, и вожди в том числе, не знали, что новый тип общества построить точно по плану нельзя, потому что это в принципе невозможно. Общество не дом и не завод. Оно есть сумма огромного числа разных и несовершенных людей. Что-либо разрушить они всегда могут, ведь «ломать – не строить». А вот выстроить в точности задуманное не удавалось никому. Слишком велико сопротивление человеческого материала. Вспомним лебедя, рака и щуку: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет. И выйдет из него не дело, а только мука». Так и тогда. Сначала по пути в коммунизм «заехали» в нэп – новую экономическую политику. По сути, повернули назад на условиях ограниченного возврата частной собственности. Потом забрели в Ад сплошной коллективизации крестьян. После влетели в зону турбулентности по имени Большой Террор (есть и те, кто считает, что это был единственно возможный способ превращения революционного хаоса в организованное общество). Уничтожили или посадили всех явно несогласных с новыми порядками. То есть без конца шарахались, пока не вышли на более верную дорогу. А тут война. Бросили стройку – и по фронтам, Родину защищать от немецких, итальянских, венгерских, румынских и других фашистов во главе с Гитлером, тоже желающих, как и коммунисты, мировой гегемонии для устройства более совершенного общества. Только по разным проектам. У коммунистов – на путях братства и равенства угнетаемых под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». У фашистов – путем покорения и уничтожения слабых наций-«недочеловеков».

До Раисы Титаренко в Западную Сибирь фронт не докатился. Отца ее от призыва на войну освободили, поскольку он работал на стройке стратегически важной железной дороги. И она жила до окончания школы с золотой медалью под опекой любящих ее отца и матери. Школьные подруги называли Раю хорошенькой, умной и правильной девушкой с твердым характером.

По-другому сложилось у Михаила Горбачева. В трехлетнем возрасте из-за нужды родители отдали малыша на иждивение деда и бабушки по материнской линии. Дед был председателем колхоза, поэтому с детства приучал внука к лидерству и уверенности в себе. Родителей видел редко. С началом войны отца призвали на фронт. На втором году фашисты заняли его родное Ставрополье. Полгода продолжалась оккупация. В школе занятия не проводились и учебный год был пропущен. Когда Михаилу исполнилось четырнадцать лет, отец

возвратился домой по ранению. После полного выздоровления стал работать комбайнером машинно-тракторной станции. В течение четырех лет Михаил летом работал у него помощником или, как тогда говорили, – штурвальным. По результатам самого удачного лета, когда они намолотили рекордное количество зерна, их очень солидно поощрили. Отца наградили орденом Ленина. Михаила – орденом Трудового Красного Знамени, приняли кандидатом в члены партии и избрали на небольшую, но важную для старта политическую должность – секретарем комитета комсомола школы. Вспоминая о нем, сверстники особенно отмечали в его характере инициативность и напористость. В эти годы они с отцом по-настоящему и на всю жизнь сблизились. Однако с матерью близкого контакта до конца ее дней так и не произошло. И поэтому, когда юноша в университете встретился с Раисой, она стала той женщиной, объединившей в одном лице жену и мать.

Итак, на исторической сцене появилась пара актеров, которую никто не ожидал. Ни режиссеры, ни публика. Каждый в отдельности так бы и остался либо примой в провинции, либо прозябал бы в столице на вторых ролях. Но только если бы они не составили тандем. И вот судьба свела их в такую пару, в которой раз и навсегда «насмерть» соединились воедино воля и ум Раисы и неумные честолюбие и энергия Михаила. Встретились они через пять лет после войны в Московском государственном университете.

Жизнь с окончанием войны менялась со все возрастающей скоростью. Наука, техника, экономика за несколько послевоенных лет преобразовались больше, чем за весь промежуток между мировыми войнами. Смертоносная война, как это ни покажется кощунственным, стала также и катализатором развития, своеобразной разрушительно-созидательной силой. Особенно в ходе послевоенной конверсии, когда массы уволенных из армии приходили на производство, а секретные военные технологии передавались в гражданский сектор. В этих условиях стране требовалась другая «армия»: специалисты мирных профессий для заводов, фабрик, социальной сферы, органов управления. Наконец-то впервые в истории страны ставилась задача превратить страну из «военного лагеря» в мирное общество на основе законности и правопорядка. Поскольку жизнь в стране быстрыми темпами уходила от примитивных форм к более сложным, управление обществом также не могло оставаться на прежнем уровне. Поэтому создавались новые высшие учебные заведения, увеличивались наборы в существующие. Впервые за успешное окончание школы ученики награждались золотыми и серебряными медалями. Раиса была в числе тех первых, кто в 1949 году получил «золото». Михаил стал обладателем «серебра». Медалисты получали право поступления в любые институты и университеты без экзаменов. Продолжало, хотя и не так явно, как до войны, иметь значение и социальное происхождение абитуриентов. Предпочтение отдавалось выходцам из «низов». И все же страна задыхалась от недостатка квалифицированных кадров. Война выкосила самых талантливых и энергичных. И еще долгие десятилетия последствия этих потерь крайне негативно сказывались на развитии страны. Как знать, не будь такой катастрофы, может быть и выстояла бы она перед теми испытаниями, которые ожидали ее в *перестройку*. Ведь именно в эти годы управлять колхозами, заводами, районами, городами, областями и ведомствами страны должно было поколение погибших на войне. Наверно, не случайно с 1987 по 1991 год в высший орган управления страной – Политбюро ЦК КПСС входили деятели, которые либо не призывались на фронт по молодости лет, либо не воевали по причине отсрочек от призыва. А сам Михаил Горбачев, возглавивший к этому времени партию и страну, непонятно по какой причине даже не служил в армии. Таким образом, руководящее политическое ядро страны-победителя фашизма в лихие годы перестройки не имело так важной для того времени фронтовой закалки, а следовательно, и необходимого морального авторитета среди населения. Не служившим в армии, да еще в годы войны, веры и уважения было меньше.

И все же, несмотря на всякого рода отклонения от стратегического курса, с конца 50-х годов XX века коммунистическая сказка начала приобретать черты стабильной реальности. Исчез страх безработицы, так как страна превратилась в сплошную стройку. Каждый желающий мог получить бесплатно не только среднее, но и высшее образование. Советские люди впервые в мире прорвались в Космос и создали атомную энергетику. Расцвели искусства и спорт. На олимпийских играх советским спортсменам не было равных. Создание самых мощных в мире вооруженных сил гарантировало надежную защиту мирной жизни. Невиданные в мире темпы жилищного строительства позволили бесплатно выделять жилье десяткам миллионов семей. В продаже появились легковые автомобили, бытовая техника. Многие гордились своей причастностью к созданию первого в мире социалистического государства. Все это и многое другое прививало неизвестные раньше большинству российских людей чувство собственного достоинства, веры в себя, в будущее и даже во власть и дружбу народов. Все более крепнущая социальная защищенность в значительной мере компенсировала стесненность в политических свободах и ограниченный суверенитет республик. Такое состояние продолжалось до конца 70-х годов. После этого романтический импульс и энтузиазм развития, заданный обществу рабоче-крестьянской революцией, а потом и послевоенной реконструкцией, начал затухать. Наступали времена прагматиков. В будущем, в начале 1990-х эта тенденция приведет к тому, что один из них – Михаил Горбачев и возглавит страну. Формально один, а фактически вместе с Раисой. Только страна тогда не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем.

Москва

Последние дни в небольшом южном селе только и обсуждалась небывалая новость. После окончания войны никаких важных событий в нем не случалось, а тут сразу такое. Сыну местного механизатора Сергея Горбачева пришел вызов на учебу в Москву. В нем сообщалось, что Михаил принят на юридический факультет главного университета Советского Союза. Многие жители даже не знали, чем занимаются юристы. И это подогревало интерес к фигуре Михаила. Особенно любопытные не давали ему прохода и дотошно спрашивали, кем же он будет, когда выучится. Михаил, не скрывая радости, чаще всего отшучивался. Но когда колхозный шофер и балагур Семен Горбачев высказал догадку, что в будущем Мишка станет министром, тот, сверкнув черными глазами, гордо ответил:

– Бери выше, дядя Семен. Для нас, Горбачевых, министерства будет маловато.

Никто тогда и подумать не мог, что парень говорит всерьез.

В эти же дни в центре Европы в Праге семья чешского профессора социалиста Петера Млынаржа готовила к отъезду в Москву на учебу по квоте компартии в тот же университет сына Зденека.

Новое коммунистическое правительство страны считало, что лучшего места, чем Москва, для подготовки современных кадров нет. В отличие от родственников и односельчан Михаила, родители Зденека видели своего сына прокурором. Но он хотел быть адвокатом. Сошлись на том, что для начала надо получить диплом, а потом определяться. Они даже не предполагали, что сын станет политиком. Хотя слова, сказанные им при прощании, могли навести на некоторые раздумья:

– Если не стану адвокатом или прокурором, буду правозащитником.

Так его величество Случай готовил скорую встречу двух молодых людей, которым будет суждено без насилия изменить ситуацию в мире. По мнению одних, – к лучшему. По мнению других, и таких больше, – к худшему. Достоверно знать это не дано никому. Человек – слишком ничтожная величина, чтобы своим умишком оценивать такие глобальные явления. А пока последуем за юными Михаилом и Зденеком в Москву.

На вокзале Михаила никто не встречал. Денег на такси не было. Добирался до общежития на Стромынке трамваем. При заселении комендант сообщил, что комната на двоих и в ней уже живет студент из Чехословакии. Это был Зденек. Тогда и позже в общежитиях московских вузов практиковали селить смешанные интернациональные составы из советских и иностранных студентов. На этом настаивал Комитет госбезопасности. Так ему было легче контролировать поведение и настроения иностранцев, влиять на идеологию, а также подбирать кандидатов для вербовки. Иногда происходило обратное, и наши студенты подвергались обработке гостей. Тогда КГБ приходилось заниматься своими гражданами. Так что процесс этот обоюдоострый, поскольку заранее никто не знал, кто на кого и как повлияет. В любом случае считалось, что советские студенты во всех отношениях надежнее. Так и в нашей ситуации. Почему-то была полная уверенность в идеологической стойкости Михаила. Может, из-за блестящей комсомольской характеристики, а возможно, из-за крестьянского происхождения. Видно, там, где надо, полагали, что советский в третьем поколении гражданин уже обладает полным иммунитетом от мировоззрения сверстника, рожденного и выросшего в буржуазной, недавно вошедшей в советскую систему, Чехии. Жизнь показала необоснованность такого расчета. Взгляды сына сельского механизатора и сына пражского профессора не были противоположными, но и не совпадали. А главное, знания, кои всегда являются фундаментом убеждений, полученные в хуторской школе и в пражской гимназии, были явно не равновесными. Время покажет, как либеральные воззрения столичного Зде-

нека раздавят хилое здание Мишкиного марксизма. Слабого не самого по себе, а из-за «каши в голове» паренька из провинции. Не последнюю роль на результаты взаимного влияния играли и характеры «сожителей».

Когда Михаил собирался в Москву, учителя посоветовали ему взять с собой орден Трудового Красного Знамени, которым его наградили за активное участие в уборке урожая. Случай такого награждения школьника даже в богатой на всякие новации советской стране был уникальным. Обычно подростки награждались грамотами. А тут сразу орден, да еще такой значительный. Директор школы так и сказала:

– Такой награды ни у кого из студентов, вчерашних школьников, не будет. Ты сразу обратишь на себя внимание. И это поможет тебе утвердиться в коллективе и в учебе. Пусть видят, кого мы воспитали.

Михаил последовал совету. После знакомства с соседом по комнате, раскладывая нехитрые пожитки, он не без гордости достал из чемодана орден. Однако Зденек интереса не проявил. Тогда Михаил сам спросил у него, знает ли он, что означает эта штука. Получив отрицательный ответ, стал объяснять. С этого хвастливого разговора начались длительные, ставшие потом дружескими, отношения.

От Стромынки до Моховой, где располагался университет, добирались всегда вместе. Обычно трамваем. По утрам в них была такая давка, что ни войти, ни выйти без помощи друг другу не получалось. Однако вскоре университету построили новое здание и общежитие на Ленинских (теперь опять Воробьевых) горах. Ситуация изменилась. Надобность в трамвае отпала. В новом общежитии почти все комнаты были на двоих. Естественно, друзья поселились опять вместе.

Из окна их жилища, расположенного на двадцатом этаже, Москва была видна как на ладони. Силуэты шести высотных зданий, только что построенных на Садовом кольце, были похожи на часовых, днем и ночью охраняющих покой москвичей. Позже их назовут «сталинки». Внутри кольца возвышались колокольня и башни Кремля, где работал Сталин – вождь страны Советов и организатор недавней Победы над фашистской Германией. После смерти этого правителя в нем работали другие, которые суетились много, но прежнего влияния не имели. От этого и Кремль как бы помельчал. Но это будет позже.

Михаилу и Зденеку нравилось в свободное время любоваться потрясающей панорамой города. Иногда удавалось рассмотреть свет кремлевских рубиновых звезд. В особенно ясную погоду можно было видеть над куполом одного из зданий Кремля красный государственный флаг. Никто из них тогда и подумать не мог, что почти через сорок лет Михаил будет вынужден отдать распоряжение о его замене другим, трехцветным. Учились они охотно, даже с азартом. Верили в светлое будущее. Временами казалось, что революции, диктатуры, войны и другие социальные катастрофы ушли в прошлое навсегда. Что мир уже готов к жизни без насилия.

После смерти Сталина на глазах менялся созданный им политический режим, беспощадный даже к тем, кто не был его активным противником. Особенно быстро в противников сталинизма «перестраивались» его горячие сторонники и подпевалы. Большинство простых людей в СССР и мире скорбели об уходе своего вождя. Другой была реакция среди остатков либеральной части народа. Одни тихо радовались и робко критиковали Сталина. Иные молча надеялись на оттепель. И она вскоре начала проявляться в отказе от репрессий и помиловании прежде осужденных антисоветчиков. Естественно, что многие студенты и наши друзья не остались в стороне от участия в этих процессах. Михаил нередко колебался, пытаясь примирить в своем сознании сталинизм и новые настроения. При этом проявлял немалую способность к тактическим маневрам. Как-то на семинаре по государственному

праву он выступил с докладом о том, как в федеративном государстве могут сочетаться два принципа: ленинский о праве наций на самоопределение вплоть до выхода из этого государства и сталинский о принципе нерушимости его границ. Вся группа включилась в дискуссию, но скоро она зашла в логический тупик. И тут же ее зачинщик, сославшись на необходимость участия в заседании комитета комсомола факультета, семинар покинул, переложив бремя отстаивания своей позиции на Зденека. Пришлось ему отдуваться за двоих.

И сегодня мир бьется над этой проблемой, хотя эти принципы уже не актуальны, но не исключены из Устава ООН. В настоящее время на самоопределение вплоть до выхода стали претендовать не нации, а малочисленные этнические группы, часто взрывающие государства изнутри, поскольку на таких территориях в силу глобализации они нередко являются меньшинством. Это делает изгоями проживающие совместно с ними, другие более многочисленные, но не титульные этносы. Гораздо позже пришло понимание решения проблемы в форме национально-культурных автономий. Но тогда об этом еще не размышляли. И выхода из такого противоречия не видели. Дискуссии подобного рода обычно заканчивались ничем. Михаил с его склонностью к компромиссам «купался» в самих спорах, но от заключительных выводов умело уклонялся. Зденек по-дружески часто его поддерживал, хотя внутренне не всегда был с ним согласен.

Сдержанный и даже молчаливый Зденек не сразу привык спокойно переносить говорливость Михаила, его способность не утруждать себя глубоким анализом обсуждаемой темы. Обычно он не проникал в глубину явлений, а как бы скользил по поверхности проблемы. Потребность высказаться была у того постоянной и на самые разные темы. Но чаще всего он высказывался на близкие ему темы из колхозной жизни, тяготах сельского труда, особенно при уборке урожая в жару на раскаленном комбайне. Любил рассказывать о своих спорах со студентами философского факультета по проблемам в стране и за рубежом. Главным его оппонентом из них обычно был в будущем выдающийся философ и социолог Александр Зиновьев. Тогда в моду стали входить дискуссии о правомерности экспорта социализма, о социалистической законности, о советском праве как альтернативе буржуазным правовым системам. Когда он говорил, перебить, вставить свое слово было не так просто. Теория теорией, а в будущей политической практике социалистической законностью, по Горбачеву, будет то, что, как и в любой системе, выгодно правящей элите. Про себя Зденек иногда называл советского друга «товарищ Монолог». Заметил он и другую его особенность – неспособность жестко отстаивать свое мнение и повышенную восприимчивость к чужому. За это на одном из семинаров преподаватель по истории партии шутливо назвал Михаила соглашателем. Про таких в Чехии говорили, что они как петухи, для которых главное прокукарекать, а там «хоть не развидняйся». Но это не мешало им быть в хороших отношениях и даже дружить, а Михаилу выстраивать карьеру комсомольского активиста. Зденек все больше и охотнее воспринимал советские ценности, и казалось, что скоро он станет настоящим ленинцем. А когда неожиданно для многих на факультете Михаил стал членом партии большевиков, Зденек тоже высказывал желание в будущем вступить в ее ряды. Но до этого не дошло. Много изменилось в один день, когда в деканате юридического факультета раздался звонок из посольства Чехии. Сообщили об аресте отца Зденека. В этот же день в читальном зале библиотеки Михаил познакомился с будущей женой Раисой.

Арест

Политический секретарь посольства попросил декана срочно направить к нему студента Зденека Млынаржа. Посольство находилось рядом с площадью, на которой возвышался громадный памятник Маяковскому. Мысли бешено и хаотично крутились вокруг неожиданного известия об отце. Но когда он проходил мимо красного здания Моссовета, а потом каменной фигуры поэта, с чего-то вдруг подумалось о необычной форме его стихов. Некоторые из них ему показывал и читал Михаил. Строчки-лесенки навязчиво маячили в воображении. Отделаться от одной из них «сидите, не совете в своем Моссовете» долго не удавалось. И это на фоне страха, не за себя, а за отца, мать. «Боже, помоги. Не дай сойти с ума. Как же тяжело в такой момент быть вдалеке от близких. Так одиноко. Хотя вокруг толпы людей». Последние метры перед посольством он почти бежал. Казалось, только там он сможет успокоиться. Где были, конечно, свои. Но как раз от них исходило известие о первом в его жизни страшном событии. И полная неизвестность, что будет теперь и дальше. Он желал этой встречи, и он ее боялся.

Охранник проводил Зденека в комнату для посетителей. Ничего не сказал и вышел. В большом помещении из мебели было два кресла, столик, напольная ваза с искусственными цветами, да на стене знакомые портреты президента Запотоцкого и первого секретаря ЦК компартии Новотного. Стало чуть спокойнее. С обложки лежащего на столике журнала на него тоже смотрел президент. Долго никто не приходил. Возбуждение опять стало усиливаться до панического после того, как в комнату молча заглянул тот же охранник. В одиночестве и полной тишине он находился не менее часа. Наконец в вестибюле послышались голоса и шаги. Опять заглянул охранник и пригласил выйти. Его ждали двое. В строгих костюмах и с военной выправкой.

– Вы Зденек, сын Петера Млынаржа? – жестко спросил меньший по росту.

– Да, я сын профессора Млынаржа из...

– Бывшего профессора, – мягко перебил больший по росту.

– Почему бывшего? Он умер?!

– Успокойтесь, молодой человек. Он жив и здоров. Но по суду лишен свободы и звания профессора за активное участие в антипартийной группе. Потому и бывший. У вас паспорт с собой?

– Да, вот посмотрите.

Меньший взял паспорт и предложил следовать с ними. Он шел первым. Зденек за ним. Больший сзади. Гость посольства все больше походил на пленника. Из главных апартаментов посольства через внутренний двор они прошли в скромное двухэтажное здание, похожее на дом для прислуги. Здесь его поместили в комнату, типичную для номера гостиницы, но с решетками на окнах, и без объяснений оставили опять одного.

Вышел он из посольства только к вечеру, получив свободу и возможность продолжить обучение в университете в обмен на отказ от поддержки отца и согласие негласно сотрудничать с органами госбезопасности Чехословакии.

Первая и последняя

При изучении гуманитарных предметов студентам приходилось много конспектировать. Особенно произведений классиков марксизма-ленинизма. Поэтому читальный зал библиотеки надолго становился родным домом. За столиком в соседнем ряду постоянно сидела студентка-философ. На каком она учится факультете, Михаил понял по названию изучаемых ею книг. Не красавица, но чертовски милая. И что-то в ней его очень притягивало. Сначала он поглядывал в ее сторону изредка и украдкой. Со временем она нравилась все сильнее, а его взгляды становились частыми, длительными и все более откровенными. Но опыта общения с девушками у него не было. Поэтому даже заговорить с незнакомкой он не решался. Однажды, в тот день, когда Михаил пришел без друга и сидел за столом один, поглядывая как всегда на соседку, она сама подошла к нему.

– Что уставился, черноглазый. Нравлюсь? Так и скажи. Учиться не даешь. Как будто ворожишь и ворожишь. Рая меня зовут. А тебя?

– Михаил, – от неожиданности он ответил так громко, что дежурный сотрудник читального зала сделал им замечание за нарушение тишины.

Извинившись, он осмелел и пригласил Раю за свой стол, сказав, что его друг-чех ушел в посольство и сегодня не будет. Она с радостью согласилась. До самого закрытия сидели рядышком, не шевелясь, как будто боялись нечаянно прикоснуться друг к другу. Из читального зала они вышли вместе. Долго и бесцельно бродили по центру Москвы, которую оба, как тут же выяснилось, за год учебы в университете успели полюбить.

Сближение духовное развивалось стремительно. Как будто и не было между ними никакой разницы. Как будто и пол, и прежняя такая не похожая жизнь не разделяли их, а наоборот, только роднили. Уральская девушка, уже познавшая до Михаила мужскую измену, и он, полный целомудрия южный паренек, не просто шли навстречу друг другу. Они сразу помчались в одном направлении. Да с такой скоростью, что однажды уже в зрелые годы не уследят за ситуацией и окажутся в опасности, изолированными в Форосе. Когда всего несколько шагов станут отделять их от судеб Марии-Антуанетты с Людовиком XVI или Александры с Николаем II...

В их внутренней личной жизни, когда произошло физическое сближение и они поженились, то, что они все делали вместе, только помогало. Недаром говорят, что ничто так не сближает мужа и жену, как совместное приготовление пищи. Но для окружающих и для дел, которыми они с этого времени занимались, нередко создавало проблемы. Особенно когда он формально один, а фактически они вдвоем стали управлять громадной страной. И этим еще раз подтвердили древнюю истину о гибельности властных тандемов. Сначала они потеряли страну. Позже он потеряет и ее, свою Раису, первую и последнюю любовь. Но это все потом, а между этим они долго на зависть окружающих, страны, а потом и всего света, будут купаться в, казалось, бесконечном семейном счастье. Вот уж верно сказано, что за все приходится платить.

Поженились Михаил с Раисой через год после знакомства. Она перебралась к нему, а Зденек перешел в комнату к Анатолию Лукьянову. Их общему другу, поэту и «профессору», как его называли на юридическом факультете за очки, отличную учебу и страсть к сочинению стихов. В будущем он действительно станет профессором и доктором юридических наук. А в конце жизни возглавит парламент страны, и некоторое время будет слепо идти за Михаилом, ставшим главой государства, заплатив за свою доверчивость годом тюрьмы.

Так сложился дружеский квартет, в котором внешне доминировал Михаил. Но все, и он тоже, понимали, что они как спутники вращаются вокруг Раисы – яркой индивидуальности

и человека твердых принципов, необычайно одухотворенной личности, умницы и круглой отличницы. Она притягивала, но умела и дистанцию держать. Учеба, походы по музеям и театрам привлекали ее больше всего. Раиса старалась приобщать к этим занятиям и мужа. Михаил гордился своей женой и не скрывал это от окружающих. А она ловко и почти незаметно им манипулировала, пытаясь удерживать его от чрезмерного увлечения в ущерб семье общественными делами. Против чего он особенно и не протестовал. Это ей удавалось и тогда и впоследствии на протяжении всей его жизни. И даже в самые решающие моменты, когда от него требовались предельное напряжение и самоотдача. В таких случаях ее доминирование вредило делу, а бумерангом и семье.

Зденек вел двойную жизнь студента-отличника и тайного информатора. Внешне жизнь почти не изменилась, разве только он стал чаще ходить под разными предлогами в посольство. Его «друзей-дипломатов» интересовали настроения среди чешского землячества в университете, характеристики на возможных кандидатов для вербовки. Несколько раз он писал письменные просьбы президенту о помиловании отца. Его посольские «друзья» обещали хлопотать. И даже они, с их профессиональной проницательностью, не предполагали, что через пятнадцать лет он станет одним из руководителей Коммунистической партии Чехословакии в самые драматические времена ее истории.

Михаил все больше времени отдавал работе в комитете комсомола, где он стал освобожденным секретарем с получением жалованья. Учился по свободному графику вне расписания. Это не могло не сказываться на качестве знаний. Раиса переживала и старалась ему помогать. Особенно в написании конспектов и подготовке докладов на семинары. Но комсомольская жизнь так отвлекала, что нередко бывшему отличнику приходилось после сессий зачищать «хвосты». В ответ на ее сетования, что с таким багажом ему не сделать юридической карьеры, он обычно говорил, что политическая карьера не хуже. Видимо уже тогда рутинная работа советского юриста его не привлекала. Такое настроение переросло в убеждение после преддипломной практики. Это видно из писем Раисе, в которых между строк, а то и прямо она читала о его нежелании возиться с протоколами допросов и очных ставок. Похоже, что профессиональная лень становилась ему преградой на пути к прокурорским или судейским занятиям. Не случайно однажды он высказался, что лучшим дипломом является партийный билет, а политическая работа – это его судьба. Женитьба не повлияла на его отношения с чешским другом. «Он был ближе, чем многие свои», – скажет как-то Михаил о Зденеке.

Клятва

Многим поколениям студентов-юристов известно, что учебная нагрузка на третьем курсе самая сложная. Особенно изматывает объемом материала и обилием новой терминологии «Гражданское право». Для студента третьего курса юридического факультета Михаила ситуация осложнилась еще и болезнью жены Раисы. В детстве она заболела ревматизмом, болезнь периодически обострялась и требовал стационарного лечения.

Из больничной пищи она почти ничего не принимала. И он каждый день после занятий готовил для нее еду. Иногда помогали ее подружки. Чаще всего готовились суп или борщ и жареная картошка с говяжьей тушенкой. Из столовой добавлялся лишь винегрет. Пока она ела, сообщал самые главные новости. Поскольку он всегда спешил, для ее личных сообщений времени не оставалось. Тогда нашли выход: она заранее подробно все излагала в письме и при прощании вручала его с небольшим комментарием. Письмо читалось в транспорте по пути в университет, так как кроме учебы его ждала работа в комитете комсомола. Потом занятия в библиотеке до закрытия и в общежитии до двух ночи. Так продолжалось почти месяц. Когда в конце февраля он пришел в больницу забирать Раису, у него был такой вид, о котором говорят, что «краше в гроб кладут».

После выписки из больницы Раису освободили от занятий еще на неделю, и она взялась откармливать своего Мишу. Из дома, как нельзя кстати, подоспела посылка с мукой и салом. Прикупив яиц, каждый день готовила его любимую яичницу со шкварками и круглые, как солнышко, пышные оладьи со сметаной. К концу недели от его истощения не осталось и следа. Жизнь входила в обычное русло. Но тут случилось неожиданное и от того еще более страшное событие. Умер высший руководитель партии и страны, вождь всех народов Иосиф Сталин! Ушел из жизни человек, который более тридцати лет держал в страхе внутренних и внешних недругов государства, а в сознании простого народа был его главной опорой и надеждой.

Секретарь парткома вызвал Михаила и сообщил, что завтра в актовом зале университета состоится траурное собрание и ему поручается выступить от имени студентов юридического факультета.

– На собрании будут товарищи из горкома и Центрального комитета партии. Набросай тезисы выступления и покажи мне. Не забудь о главном – заверить ЦК, что молодежь будет всегда верна заветам товарищей Ленина и Сталина. Ответственность большая, постарайся. И еще. Скажешь, что мы, юристы, щит и меч пролетарского государства, не позволим его внутренним и внешним врагам воспользоваться такой утратой в своих целях. Что мы будем, не жалея себя, защищать дело усопшего вождя.

– Хорошо, я все подготовлю, – заверил секретаря Михаил.

Почти до утра с Раисой сочиняли его речь. После недолгого сна он отправился в университет на свое первое в политической карьере траурное собрание. Потом их будет немало. Но это первое, связанное со смертью вождя, останется в памяти навсегда. Секретарь парткома, бегло просмотрев текст, в основном одобрил его, но приказал убрать тезис о необходимости укрепления демократии, назвав это положение буржуазным и чуждым марксизму. Потом наказал идти в зал и ждать вызова на трибуну.

У выхода из парткома его ждал Зденек. Он знал о поручении и переживал за друга.

– Ну, что? Утвердил?

– Да, все в порядке. Правда, заставил вычеркнуть тезис о демократии. Сказал, что это пахнет социал-демократией. Пойдем в актовый зал. Ты в посольстве был, там какая реакция?

– Соболезнуют вам, но не все. Есть и те, кто откровенно ожидают перемен.

- Каких перемен?
- В сторону как раз демократии и меньшей зависимости от Москвы.

В зале все места и даже проходы были заполнены студентами и преподавателями. Несмотря на такое скопление, тишина стояла в полном смысле гробовая. У многих в глазах слезы. Раиса смогла занять для Михаила место, но с трудом удерживала от желающих его захватить. Пока решали, как обойтись двумя стульями на троих, Михаила позвали на сцену. Здесь под огромным, обвитым черной лентой портретом вождя в форме генералиссимуса, уже собрались те, кому доверили произнести траурные речи. Ждали ректора, секретаря парткома университета, представителей московского горкома и Центрального комитета партии. Наконец появились и они. Впереди шел академик Иван Петровский. Выдающийся математик с мировым именем уже два года возглавлял МГУ. Ходила легенда о том, что когда его избрали ректором, заведующий отделом науки ЦК несколько дней не решался доложить об этом Сталину. Петровский не был членом партии. А когда решился, был не меньше прежнего озадачен реакцией вождя: «Математика не философия. Это вещь беспартийная. Поэтому математикам в партиях делать нечего. Пусть руководит, посмотрим. Думаю, у него получится». Двадцать два года до самой смерти он весьма успешно работал на посту ректора. И в этом случае вождь не ошибся.

Михаил выступал последним. Перед ним девушка с исторического не смогла договорить до конца. Видимо помешали спазмы. Боялся и он, что не справится с волнением. Но обошлось. Говорил так уверенно, как будто не в первый раз. С особым чувством и нажимом произнес ту часть, где заверял ЦК быть верным заветам товарища Сталина. После окончания мероприятия секретарь парткома крепко пожав руку, сказал, что с такими последователями делу Ленина – Сталина ничто не угрожает. И сообщил, что Михаил, Зденек и еще три студента-юриста включены в состав делегации для прощания с вождем.

На три дня тело Сталина выставили для прощания в Доме союзов. От страха за будущее и чувства огромности утраты в стране развивался общий психоз. К нескольким миллионам москвичей, желающих проститься с вождем ежедневно прибавлялись сотни тысяч приезжих. «Голова» общей очереди начиналась на Пушкинской площади. Продолжалась по Неглинной до Трубной и, раздваиваясь по Бульварному кольцу, тянулась в одну сторону до Белорусского вокзала, в другую – до Сухаревской площади. Из иностранных и советских официальных делегаций составила особая очередь на Охотном ряду. В гигантской общей очереди в один из дней возникла такая давка, что некоторое число людей было просто затоптано насмерть. Но и это не останавливало поток желающих. Всего за три дня через Колонный зал Дома союзов прошло более двух миллионов человек.

Из особой очереди первыми пропускали делегации от братских зарубежных партий и государств, потом от союзных республик, краев и областей. Затем шли делегации видов Вооруженных сил, министерств и ведомств. На третий день очередь дошла до представителей организаций и учреждений. Хоронили Сталина на четвертый день под рев заводских и паровозных гудков. Все дни прощания и похорон были объявлены траурными. Начало марта в тот год было очень холодным, и пока стояли в очереди, мороз пробрал до костей. Поэтому после прохождения делегацией МГУ Колонного зала и прощания с вождем, Михаил предложил Зденеку пойти в столовую погреться и по русскому обычаю помянуть покойника. В центре все заведения были закрыты и только на Пречистенке друзья отыскивали работающую чайную. Несмотря на название, здесь подавали не только чай. С трудом нашли свободный столик. Мысль о поминках явно посетила не только друзей. Зденек предложил «ударить» по пиву. Чех он и в день похорон чех, без пива никак. Михаил согласился, но сначала, как пола-

гается, выпили за упокой «вождя всех времен и народов» по сто пятьдесят «московской», а потом продолжили пивом.

– Когда стояли в очереди, впереди были шахтеры, и один рассказал байку про Сталина. Из которой следует, что он не был сторонником трезвости, – нарушил первым молчание Зденек.

– Я слышал, что он любил выпивать и угощать. Иногда пил коньяк, но в основном употреблял грузинские вина, – откликнулся Михаил.

– Так вот, – продолжил Зденек, – шахтер рассказывал, что на Политбюро обсуждали кандидата на должность министра угольной промышленности. Один член Политбюро был против, сообщив, что кандидат хорошо выпивает. На это моментально среагировал Сталин: «Но если судить по его фигуре, то он и хорошо закусывает». Кандидатуру тут же утвердили.

– Похоже на анекдот. А вот еще такая история, – продолжил тему Михаил. – В Ялте Черчилль и Рузвельт решили разыграть Сталина. Черчилль за завтраком сообщает, что ему приснилось, как его назначили премьер-министром всей Земли. Рузвельт тут же говорит, что ему приснилось, как его назначили президентом всей Земли. И ждут, а что же Сталин. Ведь он оказался, пусть и во сне, не у дел. Но Сталин не растерялся и тут же говорит хитрецам: «А мне приснилось, что я вас в этих должностях... не утвердил!»

Видимо услышав разговор о Сталине, попросил разрешения присесть сидевший за соседним столом мужчина, по виду неопределенного занятия.

– Ребята, я немножко выпил, не обижайтесь. Вы, наверно, студенты. Слышу, речь о покойничке. По его милости только что пятерик отмотал. Опоздал я на работу на десять минут. Объявили саботажником и за каждую минуту – по полгода. Со мной в лагере еще за колоски много зеков сидели. Знаете про колоски?

– Я знаю, штурвальным на комбайне у отца работал, – ответил за двоих Михаил и продолжил, – не пойму только при чем покойник, если ты опоздал. И не надо лапши. За пять минут не судили. А только за час и больше. Я юрист и этот закон знаю. И за колоски правильно сажают. Одни пашут от зари до зари, а другие – на готовенькое. Приедешь на поле, а там половина убрано.

– Сажать человека в тюрьму за опоздание на работу и за колоски – это неправильно. Здесь я с товарищем согласен, – встал Зденек на сторону незваного гостя, – думаю, хватило бы увольнения или штрафа.

– Так ему же дармовая рабочая сила была нужна, вот и сажал всех подряд.

– Я смотрю, смелый какой. Еще тело не остыло, а он... – стал возмущаться Михаил.

– Да, смелый, – перебил незваный гость Михаила. – Кто сталинские лагеря прошел, того уже не испугаешь. Знаешь, сколько там сидят? Миллионы. Да тиран он и кровопийца, – выкрикнул гость, а потом так же громко продолжил рассказ о своих лагерных мытарствах. Публика стала смотреть в их сторону.

– Зденек, пошли отсюда. Этот тип похож на провокатора. – Михаил встал и пошел к выходу. Зденек поспешил за ним. А мужик продолжал поносить умершего вождя. Если он не был агентом МГБ, ночевать дома ему явно не светило.

Догнав Михаила, Зденек положил руку на его плечо и стал горячо убеждать, что мужчина не провокатор, а пострадавший от сталинской диктатуры, и он сам его хорошо понимает.

– Мы, будущие юристы, должны сделать все, чтобы в будущем закон победил произвол. Давай поклянемся, что мы будем за это бороться.

– Зденек, я два дня назад уже клялся. Хватит. И мы с тобой не Герцен с Огаревым. Но в одном ты прав. Беззакония и произвола хватает. Мои деды Пантелей и Андрей отсидели без предъявления обвинения по два года. Дед Раисы за несогласие с политикой Сталина был

расстрелян. Поэтому торжеству закона жизнь посвятить стоит. Для этого мы и пошли на юридический.

Не стал Михаил вторично приносить клятву на верность делу Сталина, как будто наперед зная, что в будущем отступится от того общественного строя, что так упорно и нередко жестоко создавал и защищал вождь. Правда, сделал это Михаил не в виде явного предательства, а под лукавым предлогом возврата к делу Ленина, которое, по мнению таких, как он, извратил Сталин.

Через тридцать два года в Москве будет еще одно важное траурное мероприятие. На нем также выступит Михаил Сергеевич в возрасте пятидесяти четырех лет. После чего и возглавит страну. Видимо репетиция в молодости даром не прошла.

Лондон

Когда Зденеку позвонили из консульского отдела посольства и сообщили, что его отец помилован, он опешил и даже не успел ничего спросить. Когда это произошло? Где он теперь? Как его здоровье? Поэтому Зденек тут же перезвонил сам. Консул сказал, что, по его сведениям, отца освободили неделю назад и под условием немедленного выезда из страны. Но куда тот выехал ему неизвестно. Примерно через месяц он получил письмо из Лондона. В нем отец сообщал о своем освобождении и желании встретиться. Просил Зденека приехать к нему при первой возможности. Когда он рассказал об этой весте и желании повидаться с отцом заместителю декана факультета по работе с иностранными студентами, тот ничего определенного не сказал и обещал дать ответ позже. На согласование с инстанциями ушло не меньше полгода. И только в конце четвертого курса ему сообщили, что он может подать документы для оформления поездки. При этом было сказано, что визу в английском посольстве он должен получать сам.

Напротив Кремля на Софийской набережной уютно расположились белые с зеленой крышей особняки представительства ее величества королевы Великобритании. Получить здесь визу в те времена было все равно, что побывать на приеме у папы римского. Но Зденек решил попробовать. С отцом они не виделись более трех лет. И в это время у него не было желания большего, чем поездка в Лондон. В приемные часы его принял вице-консул. Долго расспрашивал об отце, о его учебе в Москве. Потом заверил: «Просьба о выдаче визы будет рассмотрена самым внимательным образом». Забрал паспорт, анкету и пригласил придти повторно через месяц.

Вторая встреча проходила в другом помещении и с другим сотрудником. Манеры Гарри, так он себя назвал, чем-то напоминали поведение «друга» Зденека из чешского посольства. И тот и этот были любезными, но как-то по-особому, жестко-любезными. Взгляд голубых глаз англичанина постоянно менялся. От изучающего – до ласкающего. Это располагало к общению. Сообщив о готовности визы, он спросил, есть ли у Зденека в Москве приятели, друзья и кто они. Ответ слушал молча и даже, как казалось, без явного интереса. Когда Зденек закончил, сказал, что является сотрудником одного научного центра и собирает материалы для диссертации о советском образе жизни. А поэтому не мог бы он о каждом из друзей составить подробный письменный отзыв. Зденек без колебаний согласился. Подобные характеристики он много раз писал на студентов чешского землячества и не считал это чем-то дурным. Часа через три Гарри получил готовые отзывы на троих друзей из квартета и на Александра Зиновьева, с которым Зденек сблизился в последнее время. Принимая их, тот тепло поблагодарил и добавил, что «как англичанин, я не беру займы и не даю в долг, а поэтому Зденек за эту важную для него работу получит пятьсот фунтов в Лондоне. Это дело чести. Да и вам они будут кстати».

Получив паспорт с визой, счастливый Зденек покинул посольство. Так впервые в распоряжении английской разведки, а Гарри, как выяснится позже, был разведчиком, оказались характеристики на будущего главу советской страны Михаила Сергеевича Горбачева и его жену Раису Максимовну. Но ни Гарри, ни Зденек и никто другой не были в то время способны понять, насколько ценной эта информация окажется в будущем. Если кто-то подумает, что Зденека таким образом уже завербовали в английскую агентурную сеть, он ошибется. Это была лишь «проба пера». Своего рода проверка на лояльность. И он ее прошел. А теперь, в связи с предстоящим выездом в святая святых капитализма и цитадель антикоммунизма, ему наверняка предстоит стать объектом внимания еще одной спецслужбы – советского КГБ. Таковы законы жанра. Так жизнь крутит людьми. Особенно часто в орбиту деятельности

спецслужб вовлекаются идеалисты, поскольку они живут с душой, распахнутой окружению, приукрашивая действительность и в том числе работу этих дьявольских учреждений...

Через неделю Зденек был в Лондоне и горячо обнимал отца, встречавшего его в порту.

Петер Млынарж, несмотря на годы, проведенные в пражской тюрьме, хорошо выглядел и нисколько не изменился за то время, что они не виделись. Возмужавший Зденек стал очень походить на отца. Незнакомые люди вполне могли принять этих высоких, стройных, крупнолицых и большеглазых темноволосых мужчин за братьев. Метро быстро доставило их в тот район, где Петер уже почти год снимал две небольшие комнаты. Зденеку они понравились, и он остался у отца. Здесь же он застал извещение о почтовом переводе на пятьсот фунтов стерлингов от Гарри. Для того времени это были хорошие деньги. Английская оперативность и щедрость оставляли хорошее впечатление. Поражал и Лондон, шикарный и помпезный центр, опрятные окраины. Во всем основательность и комфорт. Внешне Москва, конечно, проигрывала.

Впереди был целый месяц, но они каждый день с утра и нередко до позднего вечера все говорили и говорили. О жене и маме, которая одна в Праге. О родителях отца и мамы, пострадавших из-за его ареста. О Праге и Чехии, где только что прекратились внутривластные распри. О Москве и Советском Союзе, нелегко переживающих послесталинское время. Однажды отец завел речь о своем аресте и спросил, как и от кого об этом узнал Зденек. Не ожидая вопроса, сын несколько растерялся, но потом твердо ответил, что об этом ему сообщили в деканате университета. Про посольство решил умолчать. Посчитал, что так лучше.

– А за что арестовали, знаешь?

– Сказали: за участие в антипартийной группе. И все.

– Думаю, тебе знать об этом необходимо. Но сначала скажи, как ты относишься к советской системе? И как думаешь, у нее есть будущее? Ты ведь столько лет живешь в СССР.

– Отец, я не знаю в Москве таких людей, которые бы говорили, что у СССР нет будущего. Наоборот, есть какая-то фанатичная вера в социализм и коммунизм. Особенно после победы над фашизмом. Кажется, что если их позовут штурмовать небо, они покорят и его. Даже с помощью обычных лестниц. А может, придумают и что-то другое. Думаю, что советской системе не хватает гуманности к людям. Все очень жестко, а иногда и жестоко. Но руководители страны уверяют, что без этого в окружении недружественных стран молодой системе социализма не выстоять. Им верят, особенно молодежь, – Зденек встал, обнял Петера и, улыбаясь, добавил. – Я сам уже стал советским.

– Вот этого я и опасался, – продолжал Петер. И после недолгой паузы продолжил: – Когда после смерти Клемента Готвальда к власти пришли Запотоцкий и глава Компартии Новотный, я еще преподавал философию и состоял в социал-демократах. Вскоре меня пригласил президент и предложил возглавить управление по связям с партиями. Я сразу дал согласие, вышел из партии, так требовал закон, и приступил к делу. Профессора любят, когда их зовут во власть. В это время в Национальном фронте коммунисты уже доминировали, но еще считались и с другими партиями. Но потом как будто их подменили. Новотный стал плести интриги против Запотоцкого. Надо было определяться. И я естественно стал на сторону президента. Но все решила Москва. Там поддержали Новотного, и президент превратился в свадебного генерала. Коммунисты затеяли тотальную национализацию промышленности и банков. Фермеров насильно загоняли в кооперативы. Экономика отреагировала спадом. Я, Густав Гусак и еще несколько товарищей выступили против этого курса, за сохранение демократии. Дело кончилось нашим арестом и осуждением за «буржуазный национализм». Гусаку дали пожизненный срок, а мне и другим участникам «антипартийной группы» по пять лет. При помиловании пришлось признать вину и дать подписку об отказе от политической борьбы с режимом. Иначе я бы здесь не находился. Такова кратко печальная история моего хождения во власть. Больше туда я не ходок и тебе не рекомендую.

– Отец, ты сказал, что вы пострадали, пытаясь сохранить демократию. А стоила она того и вообще, что такое демократия? Мне кажется, это какой-то миф.

– До ареста и особенно в тюрьме я много об этом размышлял. Мнение о существовании универсальной, тем более чистой демократии, действительно миф. На самом деле есть демократии разных типов: демоохлократия, демоавтократия, демототакратия и другие – анархия, фашизм и даже народная тирания. Чистой демократии нет.

– Насчет фашизма ты не перебрал?

– Нет, объясню, в чем тут, попросту говоря, фокус. От таких форм власти, как монархии и аристократии, демократии отличаются только наличием избирательного процесса. По содержанию политического режима они иногда сближаются до неприличного сходства. А вот избирательная процедура сверху донизу присуща только демократиям. При этом голосование может быть: методом крика на площади; избранием в трудовых коллективах; по месту жительства; открыто или тайно; прямое или через представителей; с лишением права участия в выборах, каких-то слоев или без такового. Поэтому и фашизм тоже, так как это не форма власти, а содержание политического режима, нередко избранного демократическим путем. И социализм автоматически ничего не гарантирует. СССР при Сталине и теперь – это две разные демократии, но избранные на основе одной и той же избирательной процедуры, прописанной в Конституции 1936 года. Была сталинская демототакратия. Теперь формируется демоавтократия. Более мягкий режим.

– А что было при Ленине?

– Думаю, что демоохлократия, нередко переходящая в народную тиранию. Которую по ошибке называли военным коммунизмом. Коммунизм, по теории Маркса, – это изобилие. А тогда были довольно голодные годы.

– Ну, ты и нагрузил. Прости, отец, похоже, тюрьма для философа не худшее место для раздумий.

– Ты над отцом не смейся. Лучше подумаем, чем тебе заняться после университета. У тебя какая специализация?

– Практику проходил в прокуратуре. Дипломная работа о прокурорском надзоре.

– Думаю, что пока Новотный у власти, в прокуратуру тебе дорога закрыта. А посему, когда приедешь в Прагу, иди к моему другу директору Института государства и права. Он не откажет. Займись наукой, защити диссертацию. Дальше будет видно. Диктаторы вечными не бывают. Запомни, тот социализм, который он насаждает, не приживется. В нем мало человеческого. И, кажется, в СССР тоже.

Это был их последний разговор. На другой день Зденек с утра поехал на встречу с приехавшим из Москвы Гарри и возвратился глубоким вечером. В квартире его ждал полицейский, который и сообщил ему, что после обеда отца с сердечным приступом доставили в больницу, где он внезапно скончался.

В будущем, наблюдая за политической практикой и вспоминая отца, он не один раз поражался его проницательности.

Юрист широкого профиля

Возвращение в Москву было нелегким. Сразу после похорон хотелось остаться в Лондоне. Но здравый смысл взял верх. И еще уверенность в том, что отец этого шага не одобрит и с того света. До получения диплома в МГУ оставалось меньше года. Отбросив все сомнения, Зденек покинул Лондон.

Михаил был на практике. Поэтому встретились они только после его возвращения. Вскоре из поездки к родителям возвратилась и Раиса. Они буквально ни на час не оставляли Зденека одного. Поддерживали, как могли. Зденек привез им подарки. Был в восторге от уровня жизни англичан и подробно рассказывал о беседах с отцом. Вспомнил и о последнем разговоре по поводу своего будущего и перспектив социализма. Михаил согласился, что Зденеку лучше заняться наукой. А насчет мрачного будущего социализма мнения разошлись.

– Это все теория, – размышлял по привычке пространно Михаил, – а советский опыт говорит о том, что новый строй уверенно набирает обороты и назад мы не возвратимся. Хотя на местах черт знает что творится. Бюрократизм, чванство начальников. Насмотрелся во время практики и на прямое беззаконие.

– Западный опыт, – упорно настаивал на своем Зденек, – убедил меня в том, что только общество, в котором человек обладает собственностью, имеет стимулы для развития. В ином случае оно обречено на прозябание и гибель.

Раиса вначале держала нейтралитет и в их разговоры не включалась. Только однажды попросила не забывать, что стены иногда тоже слышат, но, не удержавшись, сама добавила.

– Знаешь, Миша, будучи у родителей, я увидела, как скудно живут люди. Они часто не имеют в достатке самого элементарного: сахара, керосина, крупы.

– Рая, не забывай, еще недавно была страшная война. Хотя до слез обидно видеть, как мои родители тоже с трудом перебиваются от зарплаты до зарплаты. А ведь отец прекрасный специалист. Лучший комбайнер МТС.

– Не забываю, но пора и о людях подумать.

– Вот поэтому в документах партии и говорится, – продолжал Михаил, – что надо быстрее переводить экономику на мирные рельсы. Будем делать меньше снарядов, произведем больше крупы и других товаров. В будущем вообще надо добиваться разоружения. Я верю в мир без насилия и войн. Но для этого надо, чтобы Запад признал за нами право жить так, как мы желаем.

– Миша, – включился Зденек в диалог супругов, – я читал в одной из лондонских газет, что для этого Советы должны прекратить экспорт социализма. Еще там утверждается, что социализм – это тупик.

На самом деле, такое ему говорил Гарри на встрече в Лондоне. Но он все больше и незаметнее для себя втягивался в игру, в которой был всего лишь одной из пешек гигантской шахматной доски, на которой свои партии играли СССР и недавно созданный Североатлантический союз (НАТО). Или, вернее сказать, становился одновременно приемником и передатчиком чуждых и опасных идей неверия в социализм, для которых не страшны никакие глушилки. Яд неверия самый коварный, он действует медленно, почти незаметно, но наверняка.

– Насчет экспорта согласен, но только пусть и они прекратят экспорт демократии своего образца. Мы хотим и можем жить своим умом. Хотя без взаимного обмена идеями проиграют все, и они и мы, – Михаил оставался верен себе. Стремление к компромиссам, похоже, его никогда не покидало, и он миролюбиво продолжил. – Как ты говоришь, отец сказал о нашем социализме, «мало в нем человеческого». А что, с этим можно согласиться. Очень правильно. Справимся с разрухой и станем жить по-человечески. Мы с тобой, дорогой Зде-

нек, стоим на одной позиции и никогда ее не покинем. Мы не перебежчики. Тем более СССР теперь не одинок. Столько стран становятся на наш путь. И вместе мы большая сила.

Парадокс ситуации состоял в том, что они, как и многие другие из молодого советского поколения, все более не осознавая того, призывая к быстрейшему улучшению условий жизни, содействовали той позиции, которая была выгодна натовским кукловодам. Позицию разрушения советской системы путем размывания духовных ценностей и восхваления культа материальных благ.

Михаил с Раисой поженились седьмого ноября и отмечали каждую годовщину свадьбы вдвоем сразу после возвращения с праздничной демонстрации на Красной площади.

Эта годовщина была особой. Через полгода учеба завершилась и предстояло расставание с друзьями. Поэтому на торжество решили пригласить Зденека, Анатолия и Александра, который только что приехал из Парижа, где он два месяца учился в рамках студенческого обмена на философском факультете Сорбоннского университета. Анатолий и Александр пришли с однокурсницами. В маленькой комнате было тесно, тепло и грустно. Пили французский коньяк, закусывали селедкой под шубой. Если бы это варварство видели французы... Когда пришел Зденек, Михаил вывел его в коридор и сказал, что утром перед демонстрацией к нему подходил куратор факультета из органов и просил присмотреть за Зденеком.

– Наверно, это из-за поездки в Лондон, – отреагировал Зденек на сообщение друга и вспомнил предупреждение Гарри о возможном интересе к нему со стороны сотрудников госбезопасности. И продолжил: – Зря они беспокоятся. Мне СССР не враг, ты знаешь.

– Уверен в этом, поэтому и сказал о кураторе. Пошли к ребятам. Послушаем, что Александр рассказывает о поездке в Париж.

– Ребята, там рай, настоящий рай. Магазины ломятся от товаров. Правду говорят, что дефицит у них есть: дефицит денег. Но кругом чистота и порядок, – продолжал восторгаться философ, пока его довольно бесцеремонно не остановил Анатолий.

– Саша, ну что ты кукарекаешь. А безработица, а эксплуатация? Да, у нас мало товаров и мало платят. Но нет безработицы и нет такой эксплуатации. Как работают, так и получают. Некоторые ходят на работу отдыхать. Что, нет таких? Полно. Кстати, а кто оплачивал твою поездку?

– А это к чему? – не понял Александр.

– А все к тому. Ну а все же, кто?

– Французская сторона. И что?

– А коньяк ты на какие шиши покупал?

– Из французских денег на карманные расходы.

– Вот отсюда и твой халявный восторг, – жестко подытожил Анатолий.

И тут началось! К спору присоединились девушки, добавив, что «в наших магазинах нет хорошей одежды и белья, стыдно парням показаться». Раиса попросила Анатолия выбирать выражения и не обижать Александра, который продолжал настаивать на своем, что у нас все хуже, чем там. Порядок восстановил Михаил предложением попеть песни, которое всех примирило.

Разошлись поздно. Обещали помнить и поддерживать друг друга. До получения дипломов собраться всем вместе уже не удалось. Перед отъездом домой Зденек зашел к Горбачевым и подарил на память о совместной учебе и дружбе копию своей дипломной работы с надписью: «Другу Мишке, юристу широкого профиля. Зденек».

Минеральный секретарь

Раиса университет закончила, а Михаилу еще оставался год учебы. Ей прочили будущее большого ученого и предложили аспирантуру. Она согласилась. Надеялись, что и Михаил после окончания обучения сможет остаться в Москве. Так все и складывалось, пока не случилась первая и последняя осечка в его карьере.

Председатель комиссии по распределению выпускников скорее ради проформы спросил у Михаила, который как секретарь комитета комсомола и сам был ее членом:

– Не возражаешь, если направим тебя на работу в Генеральную прокуратуру? От нее поступила заявка на одного человека. И мы считаем, что достойнее твоей кандидатуры нет. Коммунист, женат, орденосец. Учился успешно. Так что давай, только не подведи. Квартиру обещают выделить в течение года. А пока поживете в общежитии для аспирантов.

– Благодарю за доверие. Для меня это большая честь. Все сделаю, чтобы вы не пожалели о своем решении. Разрешите мне выйти, сообщить жене. Она здесь и очень волнуется. Пусть порадуетя.

Михаил выскочил в коридор, где Раиса ждала результата.

– Райчонок, порядок! Меня распределили в Москву, да еще и в Генеральную прокуратуру. До получения квартиры разрешено пожить в аспирантском общежитии. Надо сообщить родителям, чтоб не переживали за нас. Видишь, как хорошо все устроилось.

– Знала, за кого замуж выходить. С тобой не пропадешь. Пойдем, я тебя покормлю.

– Не могу. Я же член комиссии, а заседание не закончилось. Все, пока. Готовь обед. Буду через пару часов.

На другой день с выпиской из решения комиссии Михаил был в управлении кадров Генеральной прокуратуры. Встретили любезно, попросили заполнить анкету и отпустили, порекомендовав прибыть через две недели. Довольный Михаил пересекал небольшой двор на выходе в сторону кованых ворот, когда дорогу ему перегородил какой-то нагловатый мужчина: «Смахивает на того мужика, что клеился к нам с Зденеком в чайной в день похорон Сталина», – подумалось ему.

– Привет, узнаешь? Я тебя хорошо запомнил. Ты же меченый. Не обижайся, так в народе говорят. Бог помечает не зря. Видно, далеко пойдешь. А корешок твой, длинный, где? Он, наверно, иностранец. По-русски не чисто калякал. Помнишь чайную на Пречистенке в день похорон злодея?

– А вот ты кто? Чего здесь делаешь? Опять что-то натворил?

– Нет, хватило от Сталина. Теперь хлопочу о реабилитации. Говорил я вам, что за пустяк посадили, так ты не поверил. Слышал, сколько народа уже выпустили? А дружок твой меня поддержал. Привет ему и доброго здоровья. Слушай, ты часом не здесь работаешь? Помог бы мне. Как тебя звать-величать, а то ведь не найдешь, тут вас много.

– По имени я Михаил, а фамилия тебе ни к чему. Сюда только устраиваюсь, и помочь тебе не смогу. Если зря сидел, разберутся и без меня. А выпускают не безвинных, а по амнистии. Не путай праведное с грешным. Бывай, я спешу.

– Ишь, занятой какой. Еще не работает, а уже некогда ему. Гордый ты человек. Вот от таких в народе и беды. Зря нос задираешь. Гляди, не оступись, – уже в спину предостерег Михаила незнакомец.

Через две недели тот же кадровик и так же вежливо сообщил Михаилу неприятное известие.

– Принять вас на работу не можем. Есть постановление инстанций, надеюсь, вам не надо объяснять, что это за органы, запрещающее зачислять выпускников вузов в центральные аппараты ведомств. Так что зайдите в соседний кабинет и получите направление на

родину – в прокуратуру Ставропольского края. Покажете себя там, и дорога в Москву через пяток лет будет открыта.

– Это невозможно. У меня здесь жена. Вы разбиваете семью.

– Где она работает, напомните?

– Она учится в аспирантуре.

– Не надо так расстраиваться. Закончит и приедет к вам. Не вы первые и не вы последние. А временная разлука только проверит на прочность вашу семью.

– Спасибо за странную заботу о семье. И все же я должен сам прочитать названное вами постановление. Пусть я и молодой юрист, но привык верить только закону и своим глазам.

– Это похвальное качество, но документ этот секретный. А у вас нет допуска к такого рода актам.

– Но это же неправильно, когда документ, регулирующий трудовые отношения, засекречен. Ведь сейчас партия осуждает такой подход. В этих отношениях должна быть полная гласность. И потом была же заявка на молодого специалиста. Если есть запрет, почему вы ее направляли в университет?

– Да, здесь произошла неувязка. Заявка была направлена, как и положено, полгода назад. Постановление с запретом мы только что получили. Насчет гласности. Конечно, в небольших дозах она полезна. Для контроля за бюрократией. Но во многих государственных делах без соблюдения тайны нельзя. В центральном аппарате прокуратуры также очень много секретных сведений. Впрочем, я не должен вам все это объяснять. Получайте направление и в Ставрополь. Счастливого пути.

– Но, может, направите меня в прокуратуру по Москве? Я не смогу расстаться с женой.

– В городской вакансий нет, есть в областной, в городе Зарайске. Хотите, направим вас туда?

– От Москвы это далеко?

– Не очень, километров двести.

– Я подумаю, до свидания.

– Думайте быстрее.

Михаил покидал главное здание правоохранителей страны в полном смятении. Еще во время учебной практики в районной прокуратуре многое в этом учреждении ему не понравилось. Особенно бросалось в глаза явное равнодушие к посетителям. Но генеральная прокуратура в его представлении до этого общения оставалась святилищем, храмом законности. Теперь он не знал, что думать и делать. Закон и его с Раисой жизнь были так цинично попорчены именно там, где менее всего ожидалось. Его разочарование было бы еще большим, если бы он знал, что никакого секретного постановления на этот счет нет. А есть устное указание МГБ не брать на работу в центральный аппарат ведомств лиц, побывавших на оккупированной территории. Михаил попал под запрет потому, что полгода был «под немцами». Это был первый сбой в его короткой, но до этого довольно удачной судьбе. Состояние становилось все тревожнее. Росло острое чувство несправедливости и желание как можно быстрее добраться в общагу к Раисе, под ее защиту. И вместе думать, как быть.

Для нее это известие было таким же неожиданным. Но она повела себя так, как будто знала о нем заранее. Видимо была из породы фаталистов – людей всегда и ко всему готовых.

– Ни в какой Зарайск мы не поедем. Это далеко. Туда даже не ходит электричка.

– Откуда ты знаешь?

– Со мной на философском из этого города училась девочка. Она рассказывала, как непросто добираться до Москвы. Едем на твою родину. Это судьба. И потом, зачем нам мрачная Москва, если предлагают солнечный юг. С аспирантурой я решу. Переведусь на заочное отделение. Миша, все, что ни делается, все к лучшему. Уж как минимум, для моего ревматизма.

– Ты еще скажи, все что ни делает бог...

– И скажу, если надо.

Михаил был поражен, с какой решимостью она расставалась с главной мечтой жизни – заниматься научной работой в первом вузе страны. Он был убежден, что за годы, проведенные совместно, уже хорошо изучил Раису. Но вдруг ясно понял, что его Раиса остается женщиной-загадкой. Что она не обычная жена. Она его бесценное достояние и ангел-хранитель. В этой, как ему казалось, сложнейшей ситуации, так подняться над всем обыденным в жизни и положить себя на самом деле в жертву, могла далеко не каждая. Она это сделала без надрыва и малейшего укора. Михаил понял теперь, что их жизни соединились действительно навсегда. Именно с этого эпизода и до конца совместной жизни она станет в их паре бесспорным лидером.

Ставропольский край по экономическому потенциалу и тогда и теперь не отнесешь к лидерам. Промышленности никакой, среднеразвитое сельское хозяйство, низкая плотность населения. В краевом центре тогда проживало около 200 тысяч. Казалось бы, типичная российская окраина. Но есть в этих местах и изюминка – курорт Кавказские Минеральные Воды. А для руководителей края это не столько неограниченная возможность укрепления собственного здоровья, сколько трамплин для карьерного прыжка в столицу. Для этого надо не слишком высовываться и очень прилежно опекать регулярно приезжающих в Кисловодск, Железноводск и Ессентуки на поправку здоровья лидеров страны. Получалось, чем хуже состояние здоровья у московского начальства, тем чаще они приезжают на воды. И тем больше шансов у краевых начальников проявить о них свою небескорыстную заботу. Более того, это превратилось в некую стойкую закономерность. Два первых руководителя края Суслов и Кулаков не без помощи «святой» минеральной водички перебрались в Москву на должности секретарей Центрального Комитета партии. Десятки других партийных и советских чиновников еле успевали грузить пожитки при переездах в столицу на министерские и другие высокие должности. В свое время этот трамплин предстоит осваивать и нашему герою. И он не промахнется. Вроде бы не очень почетное звание – провинциальный «минеральный секретарь», им будет тоже с блеском конвертировано в московский капитал. И также в должность секретаря ЦК партии. Традиции – дело святое.

В краевой прокуратуре вначале тоже встретили приветливо. Прокурор края Петухов, кроме того, что был фанатиком прокурорско-следственной работы, в свободное время писал очерки на материалах местной практики. Поэтому сразу вручил новичку экземпляр своей первой книжки. Мол, знай, куда приехал. Мы МГУ не кончали, но тоже не лыком шиты. К концу службы он издал и вторую книжку. По ходу беседы прокурор выяснил тему выпускного диплома. Узнав, что она посвящена правовому регулированию деятельности местных Советов, предложил работу в отделе общего надзора. Михаил согласился, подумав при этом, что, слава богу, не придется возиться с преступниками, писать протоколы и выезжать «на трупы». Прокурор тоже был доволен. Не каждый день приезжает такое пополнение.

Получив на устройство быта три дня, Михаил решил проведать в крайком комсомола земляка и заодно попросить помочь в поиске жилья. Познакомились они в те годы, когда Михаил был секретарем комсомольской организации школы, а Алексей возглавлял их райком комсомола. Теперь он был заведующим отделом крайкома. Встреча получилась душевной. Сидели долго. Вспомнили учителей, друзей и знакомых. С жильем он действительно помог. Его родственники учителя-пенсионеры сдавали комнату. Все три ее окна выходили в сад. Это и решило дело. В этот же день и заселился. На второй день решил выходить на работу, но на пути в прокуратуру его нагнал «газик» и водитель сообщил, что надо срочно прибыть в крайком комсомола.

Секретарь крайкома без особых политесов сообщил: «Нам нужен заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды. Если удастся отпросить у прокурора, мы хотим тебя

взять к себе. Очень не хватает образованных кадров. Из тридцати человек аппарата только пять имеют высшее образование. С университетским – ни одного. В течение года предоставим квартиру. Отдельную вряд ли, а две комнаты в коммунальной – гарантирую». Предложение Михаилу понравилось, и он дал согласие.

Теперь с прокурором был очень неприятный разговор. Но чем больше он возмущался просьбой Михаила, тем упорнее тот стоял на своем. Казалось, своим стремлением покинуть прокурорскую систему, отторгнувшую его так бесцеремонно в Москве, он мстит за испытанное им тогда унижение. Однако согласия на переход в крайком прокурор не дал. О чем Михаил сообщил своим комсомольским друзьям. Но на второй день, теперь по инициативе прокурора разговор продолжился и неожиданно Петухов сдался. Видимо к делу удалось подключить кого-то из секретарей крайкома партии. Как бы там ни было, прокурор Михаила отпустил.

Через двадцать шесть лет на имя секретаря ЦК КПСС Горбачева пришла посылка с дарственной книгой. В ней бывший прокурор края Петухов написал: «Сегодня я с огромным удовлетворением думаю о том, что поступил тогда правильно, не встав на Вашем жизненном пути». Интересно, написал бы он подобное к концу перестройки? Скорее всего, в эти горбачевские штормовые годы старый законник бил бы себя по седой голове и приговаривал: «Нет мне прощения. Ведь я мог остановить его еще тогда!»

На бюро крайкома Михаила без проблем утвердили в предложенной должности. С этого времени и началось его необыкновенно быстрое восхождение по карьерной лестнице: год-два и следующая ступенька. Через пять лет он возглавил крайком комсомола и вошел в краевую политическую элиту. Никаких внутренних и внешних конфликтов в этот период в его жизни не было. Но в 1961 году первый морально-политический сбой все же произошел. Ему пришлось открыто поднять руку на самого Сталина. Вернее, на память о нем.

Как первого секретаря крайкома комсомола его включили в состав делегатов на XXVII съезд партии от Ставропольского края. На нем всем раздали повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Из сюжета не без таланта написанного произведения следовало, что Сталин никакой не вождь, а правитель-преступник. И возвеличен незаслуженно. Делегатам съезда предложили проголосовать за вынос его тела из Мавзолея Ленина-Сталина. Как и все, Михаил без колебаний проголосовал «за». Отрекаясь таким способом от Сталина, имя которого было неразрывно связано с верой в марксистско-ленинскую коммунистическую идеологию, как и многие, Михаил тогда сделал первый, и может быть, решающий шаг к отступничеству. Только из этих многих в будущем никому не пришлось стать правителем сталинской державы. А ему пришлось. Но без веры, как еще раз показала жизнь, такой державой править невозможно. Потому что произошло естественное раздвоение личности. В точном соответствии с его знаком зодиака – Рыбой. С этой поры на публике он яркий и страстный пропагандист и строитель коммунизма, а в камерной обстановке, среди единомышленников – первый его критик. И то не самой Идеи напрямую, а как будто отдельных неудачных ситуаций, связанных с ее реализацией на практике. Первыми такими единоверцами стали Раиса и Зденек. Потом лидер грузинского комсомола Эдуард Шеварднадзе, ну и наконец Андропов. Да, сам руководитель ведомства, призванного как зеницу ока оберегать неприкосновенность системы, был ее активным критиком. Больше того, имея все основания и возможность пресечь дружбу Михаила с Зденеком, он этого не сделал. Полагая, что через последнего он получил один из каналов проникновения в одну из мощных зарубежных спецслужб. Точно так же он поступал и в отношении Александра Яковлева и генерала Калугина, наивно думая, что в нужный момент будет не поздно повернуть ситуацию в свою пользу. Игра с помощью двойников под силу только виртуозам своего дела. Но Андропов таким не был.

Вскоре, в соответствии с неписаными кадровыми канонами Михаила переводят на партийную работу. И здесь тоже происходит стремительный взлет вверх. Неконфликтный с начальством, хотя иногда «дерзкий, но болеющий за дело», напористо-фамильярный с подчиненными (не хам, но независимо от возраста ко всем обращался на «ты»), путь от парторга района до первого секретаря крайкома партии он проходит за восемь лет. Именно в этот период за год до избрания первым, происходит самое знаковое событие в его партийной карьере. В курортном Железноводске в санатории «Дубовая роща» Михаил знакомится с главой КГБ Юрием Андроповым – будущим руководителем СССР. Очень скоро формальное знакомство переросло в дружбу, которая продолжалась пятнадцать лет до кончины последнего. Как-то впоследствии, уже будучи секретарем ЦК, Горбачев рассказал Черняеву – самому близкому помощнику: «Мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров. И наши позиции совпадают». Доверительность в их разговорах означала возможность критиковать все и кого угодно, кроме двух вещей: личности тогдашнего правителя Брежнева, а также самих основ идеологии коммунизма. Практику коммунистического строительства – пожалуйста, но ее каноны ни в коем случае. Возможно Андропов, а за ним и Горбачев, не ведая того, были основателями новой идейной оппозиции под безобидным и политически нейтральным названием советский конформизм. Этакое активное участие в поддержании господствующего порядка, сопровождаемое внутренним, пассивным протестом до занятия господствующих постов.

Михаил Горбачев с Юрием Андроповым ко всему прочему были еще и земляками. Двадцатью годами раньше Михаила из того же Ставрополя в большую жизнь отправился семнадцатилетний Юрий. К концу 60-х годов он стал крупной политической фигурой. Был руководителем комсомола Ярославщины и Карелии, вторым секретарем ЦК Карело-Финской ССР. Руководил отделом ЦК КПСС, посольством СССР в Венгрии. Избирался секретарем ЦК КПСС. В 1967 году возглавил Комитет государственной безопасности, вошел в состав Политбюро.

После хрущевского разгрома комитет превратился в заурядную контору без заметного влияния на внутреннюю жизнь страны. Политический сыск был упразднен. Вместе с этим исчезло и само понятие политзаключенные. Остались классические для спецслужбы направления – разведка и контрразведка. Возможно, так бы далее и продолжалось. Но неожиданно в стране случилось несколько волнений и даже бунтов. Особенно грозными стали кровавые события в Новочеркасске. В их основе были просчеты власти в экономической политике. Но выводы последовали организационно-политические. Это сделать всегда проще. И вскоре в структуре КГБ возродились секретно-политические подразделения по борьбе с идеологическими диверсиями. Кроме противодействия подрывной деятельности зарубежным антисоветским центрам и подпольным организациям внутри страны, им было поручена профилактика преступлений в сфере идеологии (!) со стороны отдельных советских граждан. В некоторых случаях профилактика заканчивалась вынесением официального предостережения. Эта мера была не такой уж и безобидной, как это преподносил Андропов – ее организатор и активный сторонник. Лицу, подвергнутому профилактике, закрывался выезд за границу, перекрывался допуск к секретным сведениям. Для него становился невозможным какой-либо карьерный рост. Эта мера, по крупному счету, была задумана и проводилась как продолжение идеологической стерилизации общества, но «гуманно», без прежних репрессий. За первые десять лет после введения профилактики ей подверглись около 70 тысяч человек, из них более 8 тысяч с вынесением официального предостережения. При Андропове продолжилась практика помещения наиболее непримиримых противников советского режима на принудительное лечение в закрытые отделения психиатрических лечебниц. Всего с 1955 по 1980 год эта мера применялась к 375 «больным». Появились и реальные политза-

ключенные. При Андропове их было «посажено» около одной тысячи. И, все-таки, правы те, кто утверждают, что Андропов был и считал себя либералом. По сравнению со Сталиным.

Придя к власти, Горбачев полностью отказался от методов своего старшего друга и выпустил почти всех политзаключенных. Почему он не пошел по андроповскому пути дальше? Очевидно потому, что у него не было за плечами жесткой, а подчас и жестокой политической школы, называемой сталинизмом, которую успешно окончил Андропов. Он не только не попал под маховик репрессий, но и сделал такую карьеру! Будучи сиротой, прошел путь от учащегося речного техникума до руководителя государства. Возможно, Андропов и был для Горбачева другом, но точно, не – Учителем. И потом, они дружили семьями, а это совсем не то, что называется личной дружбой. В семейном варианте дружеские узы не подавляют личности.

Карьера самой Раисы в Ставрополе поначалу, да и в последующем не складывалась. Только через несколько лет она смогла получить скромное место преподавателя философии и социологии в местном институте. Все эти годы с присущей ей настойчивостью она помогала мужу выстраивать карьеру и разделять груз его должностных обязанностей. «Она постоянно подправляла мужа и поучала других», – вспоминала об этом периоде одна из ее приятельниц. Не без ее влияния он делает важный карьерный ход – заочно получает диплом экономиста в местном сельхозинституте. Что сделало Михаила еще раз (как с орденом юности) «эксклюзивом» в номенклатуре: юрист с экономическим уклоном. До него в высшей советско-партийной номенклатуре такое образование имел только один из первых ренегатов марксизма-ленинизма Николай Бухарин. В эти же годы, не имея другой аудитории, она постоянно пичкала его философской материей. Со временем он поверил в свою исключительную образованность. С этой поры никто из окружения по этой части не казался ему достойным соратником.

Их общие с Раисой усилия дали прекрасный карьерный результат: в сорок лет Михаил стал первым секретарем крайкома партии, то есть руководителем крупного советского региона. О ее роли в его делах и продвижении знали многие. Но это его, как видно, не смущало. На эту тему он сочинил анекдот и с удовольствием его рассказывал: «Спрашивается, что такое половина Первого? Ответ: жена Михаила Горбачева. И, похоже, не худшая половина».

Несколько раз за эти годы в край приезжали группы иностранных журналистов, чтобы рассказать миру о небывалых успехах самого молодого в СССР руководителя региона Михаила Горбачева. Был создан и показывался по каналу ВВС документальный фильм о нем и Раисе как идеальной советской семейной паре. Делались и собственные карьерные попытки сближения с руководителями страны, прибывающими в их регион на лечение минеральными водами. Как правило, они удавались, но один раз случился и обидный сбой. Приехав к Председателю правительства Косыгину вдвоем, узнали, что он примет только его. Причем высокий гость в ходе беседы сказал, что он принимает местных руководителей для обсуждения важных государственных вопросов и не понимает, при чем тут жены. Другое дело Председатель КГБ Андропов. Он приезжал всегда с женой, и Раиса очень легко, проявляя о них максимум заботливости, нашла ключик к Татьяне Филипповне, а через нее и к влиятельному мужу. В обмен Михаил и Раиса получили его покровительство, открывшее в будущем дорогу для возвращения в Москву. Об этом Раиса мечтала постоянно.

Все эти годы связь Михаила и Зденека не прерывалась. Трижды во время выездов Михаила с Раисой во Францию, Италию и Карловы Вары они встречались лично. Во Франции в течение двадцати дней они втроем на автомобиле проехали от Парижа до Лазурного берега и обратно. Раиса потом признавалась, что из этой поездки они приехали другими людьми. Жизнь и порядки во французских городах и поселках их очаровали. Три-четыре раза в году обменивались открытками. Иногда общались по телефону. И было видно, что расстояния не нарушают их личной и идеологической близости. Зденек выполнил наказ отца.

Сначала поработал в Институте государства и права в Праге. Защитил диссертацию. Потом возглавил отдел ЦК Компартии Чехословакии по правовым вопросам. Это не мешало Зденеку поддерживать связь со своими лондонскими «друзьями». Отчасти им он и был обязан научной и партийной карьерой. Никто из чешских коллег не получал в зарубежных научных изданиях такого количества хвалебных рецензий на его не особенно выдающиеся научные труды. Дважды он награждался премиями международных организаций в области права. Вряд ли кто-то смог бы узнать их местонахождение. Премии он получал на счет в банке, не выезжая из страны. Такой способ материальной поддержки своих друзей западные спецслужбы применяли нередко.

Однажды Зденек по приглашению английского друга Гарри прибыл в Вену. Вместе с Гарри на встречу в гостиницу пришел джентльмен, который назвал себя директором Американского института по изучению национальных элит. Он высоко оценил вклад Зденека в изучение персон из элит советского блока. Особенно Дубчека в Чехии, Лукьянова, Зиновьева и Горбачева в СССР. Работу эту надо расширять, посоветовал американец.

«Мы хотим знать, кто есть кто не только в Праге, Москве, но и в важных регионах Чехии и СССР. В борьбе идей без знания сильных и слабых сторон соперников нельзя рассчитывать на победу. А некоторые из них способны стать и нашими союзниками. Среди ваших советских друзей есть Михаил Горбачев. Вы пишете, что Михаил не ортодокс и не испытывает вражды к Западу. Восприимчив к идеям гуманизма. Эти качества указывают на его явное отличие от сталинистов. Недавно он возглавил один из южных регионов. Это самый молодой в СССР и очень перспективный руководитель такого ранга. В досье на него ваши отзывы очень квалифицированные. С ним необходимо продолжать контакты. Нашей целью является продвижение его на один из серьезных постов в Москве. Мы желаем, чтобы вы посетили его в регионе. Организуйте себе поездку в СССР. Нас также очень интересуют элиты Украины и Грузии»

Наконец через двенадцать лет после окончания университета Зденек снова приехал в СССР и навестил своих самых близких друзей. Летел он через Тбилиси, где встретился с Эдуардом Шеварднадзе. Михаил встречал его в аэропорту Минводы. Теперь это была встреча, пусть и личная, но уже не просто друзей по учебе, а членов ЦК двух дружественных партий. Одна из них, чехословацкая, в это время втягивалась в острый кризис, известный как «пражская весна». КПСС, как и страна, в этот период, наоборот, пребывали, пожалуй, в самой лучшей форме за всю свою историю.

Они крепко обнялись и потом долго, долго не могли разжать рукопожатия.

– Это мои края, моя родина. Наконец ты ее посетил. Помнишь, как часто я тебе о ней рассказывал в первый год знакомства в Москве, – взволнованно проговорил Михаил. Потом усадил друга в автомобиль, и они помчались в его родительское село. На следующее утро выехали на юг края в горный поселок Архыз. И там, в новой уютной даче на берегу реки с водой изумрудного цвета провели они три дня в окружении покрытых хвойным лесом остроконечных хребтов. На второй день к ним присоединился недавний лидер комсомола Грузии, а теперь министр охраны общественного порядка Эдуард Шеварднадзе, с которым Михаил дружил, а Зденек только что познакомился в Тбилиси. Разговоры и раздумья были непростыми. Чехословакия первой в советской мировой системе вошла в системный кризис. От того, как он будет разрешен, очевидно, зависит судьба всей системы. И как не допустить возврата в прошлое, а используя кризис, двинуться вперед к более гуманному обществу. Нужен был интеллектуальный прорыв в понимании ситуации. Михаил, Эдуард и Зденек подробно обсуждали пути выхода из кризиса. Хотя Зденек хорошо знал, чего хотят он и его западные друзья.

– Помнишь, мой отец предупреждал, что в нашем социализме мало человеческого. Прошедшие годы эту оценку подтвердили. Новотный и команда оказались не способными

реформировать созданную Готвальдом советскую систему в «социализм с человеческим лицом». Поэтому я и мои товарищи хотим сменить Новотного на Александра Дубчека – гуманного и прогрессивного человека. Кстати, он тоже юрист и учился в СССР. По твоему мнению, какова будет реакция Брежнева и Политбюро?

– На замену, думаю, нормальная. А дальше? Как поведете дело. «Социализм с человеческим лицом». Красиво, но реально ли такое? Не знаю. Тут надо еще думать. Но кому-то начинать надо. О нашей встрече в ЦК КПСС я скажу, что ты приезжал как частное лицо. По старой дружбе. Так лучше и для меня, и для тебя. У нас тоже надо многое менять. Иногда думаю, что вообще любой социализм это выдумка. Многие в нем не работают. Но здесь в регионе ничего не сделаешь. Нужно пробиваться в Москву. Недавно я близко познакомился с Андроповым, новым главой КГБ. Он приезжал на отдых. Вот здесь, в этом месте мы провели неделю. Он высказал интересную мысль о том, что мы не знаем общества, которое построили. Думаю, что в будущем он может возглавить страну.

Услышав такое про Андропова, Зденек чуть не подпрыгнул. Только ради этого стоило ехать к Михаилу в такую даль. Молчавший до этого Эдуард добавил: «СССР очень разная страна и понять ее не просто. Мы не знаем мира, а он не знает нас. Для начала неплохо убрать железный занавес между системами. А потом поменять все с головы до ног». Позже он станет министром иностранных дел СССР и станет соавтором курса во внешней политике под названием «новое политическое мышление».

По пути домой Зденек заехал в Киев для встречи с теперь уже профессором местного университета Александром Зиновьевым. И здесь снова удача. Саша вручил ему для публикации на Западе свою рукопись о проблемах и отсутствии перспективы реального социализма. Тогда это пройдет незамеченным для советских властей. Но за напечатанную впоследствии за рубежом книгу «Зияющие высоты», в которой Александр предрекал крах советской системы, его из страны выдворили. И он же при конце жизни написал и издал выдающуюся работу «Русская трагедия», в которой предал анафеме самого себя и всех тех, кто разрушал СССР.

Через месяц в Праге на Пленуме ЦК Новотного сместили. Дубчек стал первым, а Зденек Млын – секретарем ЦК Компартии Чехословакии по идеологии. Зденек написал Манифест о социализме с человеческим лицом под названием «Пражская весна». Однако цветы пражской весны цвели недолго. Как только в Москве поняли, что Дубчек и Млын ведут дело к выходу Чехословакии из советской социалистической системы, с ними встретился Брежнев и заявил, что пересмотра послевоенного мира он не допустит: «Слишком большую цену в войну и после нее Советский Союз заплатил за то, чтобы мир стал более стабильным. И мы не позволим американцам хозяйничать в Европе, насаждать в мире свою диктатуру или новый мировой порядок, что одно и то же, которую только кретины и идеалисты по недоразумению называют демократией».

Но чешские реформаторы угрозу не восприняли всерьез и продолжили разрушительные действия. Тогда в Прагу и в другие важные города Чехии были введены войска пяти стран Варшавского Договора. Дубчека отправили послом в Турцию. Зденек эмигрировал в Вену и там описал неудавшийся эксперимент в книге «Мороз ударил из Кремля». Встречи с Михаилом стали редкими и только в третьих странах. Он и его британо-американские друзья о Михаиле Горбачеве не забывали. По их оценкам, в последующих сражениях против СССР и советской системы он идеально подходил на роль одного из могильщиков советского социализма. Однако и в самых смелых их планах они еще не видели в нем того, кто возглавит разгром собственной страны.

«Сон» Леонида Ильича

Специальный поезд мчал Брежнева в Баку. Лидер страны ехал с визитом в республику Азербайджан. По пути на всех станциях, где меняли электровагоны, его встречало местное начальство. Это скорее ритуальное, чем деловое мероприятие было обязательным. Не встретишь Генерального секретаря, прощайся с должностью. Не понравишься, тоже добра не жди. Крайне желательно было угодить и с дарами. Не очень дорогими, но чтобы с местным колоритом. В Ростове-на-Дону – рыба, черная икра и игристое «Цимлянское». В Кавказской – коньяки Краснодарского края, балыки, икра, шампанское «Абрау-Дюрсо», чай, фрукты, виноград. В Минеральных Водах – колбасы, коньяк «Прасковейский» и обязательно настойка «Стрижамент». А дальше по ходу несли кубачинскую серебряную чеканку, кизлярские и дербентские коньяки. В такой дальней и длительной поездке с многочисленной свитой годилось все. О самих дарах, конечно, докладывали. Но об истинных их объемах Леонид Ильич даже не догадывался. Да и не царское это дело принимать и считать ящики, мешки и коробки. Нередко преподносили подарки-символы. Например, краснодарские и кисловодские вазы и сервизы.

В этот раз руководитель Краснодарского края Медунов приказал изготовить и привезти в Кавказскую, в качестве главного подарка, сноп кубанского риса из нового урожая. Не знал Медунов, что накануне начальник управления КГБ по Краснодарскому краю направил своему шефу Юрию Андропову в Кисловодск, где тот отдыхал, депешу с убийственной информацией о коррупции на курортах края и приписках при уборке урожая риса. Андропов в соответствии с заведенным порядком срочно переправил ее Брежневу.

Сноп приняли, но Брежнев к Медунову из вагона не вышел. Объяснили тем, что Леонид Ильич с трудом заснул и врачи будить не рекомендуют. Однако начальник его охраны успел шепнуть местным чекистам о нежелании Генсека видеться с главой края. Вместо Брежнева пришлось прогуляться вдоль состава с его бессменным помощником Черненко. Уезжал глава мощнейшего советского региона из Кавказской мрачнее тучи. Интуиция опытного партийного деятеля подсказывала, что сон Генсека это лишь предлог. Да еще в сообщениях телеграфных агентств, будто в издевку, говорилось о теплой встрече Медунова с Брежневым. Видимо журналисты забыли внести изменения в заранее заготовленные тексты. После Кавказской следующая остановка планировалась в Минеральных Водах. Там Брежнева должен был приветствовать глава соседнего региона. Им то и был Михаил.

Накануне он выезжал в Москву на похороны другого давнего опекуна, бывшего главы Ставропольского края Федора Кулакова, руководившего в СССР сельским хозяйством. После ухода Кулакова заговорили о преемниках. Чаще других называли Медунова, полтавского главу Моргуна и Горбачева. За каждым стояли свои покровители. Михаила продвигали члены Политбюро Косыгин, Сулов и Андропов. Все трое – завсегдатаи кисловодских Минеральных Вод. И всегда в компании Михаила и Раисы. Моргуна двигал земляк, второй секретарь ЦК Кириленко. Медунова – сам Брежнев, но до той злополучной телеграммы о коррупции и приписках. Теперь оставались двое. Моргун не имел курортного ресурса, но Кириленко стоил троих горбачевских опекунов. Складывалась ничья. И последнее слово оставалось за Брежневым.

После похорон Кулакова Михаил прямо из аэропорта проехал в «Красные камни» – самый элитный кисловодский санаторий. Здесь Андропов с женой, в компании с Раисой, ждали его возвращения.

Когда «Волга», проскочив мимо памятника Дзержинскому, резко пошла в гору, слева у санаторного трехэтажного особняка он заметил, как Юрий Владимирович фотографирует Татьяну Филипповну и Раису.

– Останови, – приказал он водителю. Увидев выходящего из авто Михаила, Раиса обрадовалась и позвала к себе, сообщив, что Юрий Владимирович сегодня выступает в роли семейного фотографа.

– Ну, ты скажешь, фотографа. Не обижай члена Политбюро. – Он подошел к Андропову, и они обнялись.

– Юрий Владимирович, как вы насчет обеда. Я с дороги, проголодался.

– Охотно поддержу голодного путника, – отозвался Андропов, – да и дамы намекали, что пора бы за стол.

Обед подали на веранду. Обслуживала как всегда Неля, знающая все привычки и кулинарные пристрастия Андроповых и Горбачевых. Они мало чем отличались и это тоже их сближало. В этот день был борщ с пампушками и чесноком. Пельмени в курином бульоне. Салаты из овощей с сухариками и вареным языком. На десерт кофе с мороженым. И по бокалу красного сухого. Крепких напитков Андропов не употреблял. Не позволяли почки. Поэтому и Михаил с Раисой никогда при нем не пили ничего другого. Хотя без высоких гостей могли позволить себе одну-две рюмочки «Стрижаменты» или «Прасковейского». По настроению.

После обеда Татьяна Филипповна взяла любимый сборник поэзии Степана Щипачева и ушла отдыхать. Андропов сказал, что приляжет позже, и пригласил Михаила в кабинет. При этом Раиса не могла скрыть явного желания составить им компанию. Почувствовав это, мужчины позвали ее с собой. Андропов даже пошутил: «Куда же вы друг без друга, да и философ нашему обществу не помешает». Он очень ценил ее цепкий ум и педантичный характер.

– Ну, что, Михаил, было тяжело? – посочувствовал Андропов.

– Да, приятного мало. Похороны человека, которого близко и столько лет знал, это нелегкое испытание. Он же из нашего края. Меня первым секретарем крайкома комсомола ставил. И обстановка была нервной. Первые лица партии и государства на погребении члена Политбюро не участвовали. Неужели правда самоубийство? Слухи ходят всякие. Вы то уж знаете.

– Председатель КГБ знает много, да мало чего может сказать. Придет время, узнаешь и ты. Власть такая штука, которая света и огласок не любит. Не заметил, в кремлевских коридорах даже окон нет. Вот так. Жалко Федора Давыдовича. Рано ушел. Но речь не об этом. Теперь нужен преемник. Я хочу предлагать тебя. Косыгин и Суслов согласны, что надо двигать молодых. В Правительстве и Политбюро одни старики. Что скажешь?

– Я же понимаю, что это вопрос Леонида Ильича. Говорят, он видит на этом месте Медунова.

– Так до недавнего времени и было. Но сейчас у него проблемы с урожайностью по рису, да и с кадрами не все в порядке. Арестовано или под следствием около двухсот человек, в том числе из партактива, а он твердит, что с кадрами в крае порядок. Явно потерял нюх Сергей Федорович.

Андропов поднялся и прошелся по кабинету. Михаил молчал. Как будто боялся спугнуть удачу. Столько лет двигался он с Раисой к такому моменту, и вот он наступил.

– Миша, ты что, не уверен? – не выдержав паузы, заволновалась Раиса. – Юрий Владимирович, вы же знаете, он справится. Если не Миша, то кто?

– Раиса Максимовна, я в Михаиле уверен. Поэтому и буду завтра в Минводах рекомендовать его Леониду Ильичу. Все, отдыхаем.

Кроме чисто человеческого желания помочь своим молодым друзьям вырваться из провинции, продвигая Михаила, да еще в тандеме с расчетливой Раисой, Андропов преследовал и тайный интерес: укрепление собственных позиций за счет кадров, обязанных ему своим

выдвижением. В своей политической карьере он давно действовал в соответствии с правилом: «кто не думает о настоящем, тот не имеет будущего».

На другой день к приходу специального поезда в Минеральные Воды на перроне уже были Андропов, Горбачев с Раисой и начальник местного Управления КГБ Нордман. Когда состав остановился, Андропов с Михаилом направились к вагону Генсека.

– Мне позвонили в машину и сообщили, что в Кавказской к Медунову он не вышел. Поэтому не тушуйся. Бери инициативу в разговоре на себя. Леонид Ильич после болезни еще слаб и говорит с затруднением. Проблемами не грузи, его надо беречь. Кратко доложи о достижениях и планах. Следи за его состоянием. Увидишь, что устал, прощайся. Я зайду в вагон и там скажу о тебе, – продолжал по ходу наставлять Андропов.

Через минуту-две из ближнего вагона на перрон вышел Черненко. Одет был по-дорожному, в спортивный костюм. Обнявшись с Андроповым и пожав руку Михаилу, поинтересовался, как отдыхается.

– Хорошо, да быстро заканчивается. Ну, бог с ним, с отдыхом. Как настрой, здоровье у шефа?

– Сейчас сами увидите. Обещал, что выйдет.

– А по преемнику Кулакова есть информация?

– Да, Леонид Ильич склонен к вашему предложению. Я тоже поддерживаю. Пошли встречать.

При помощи охранника из своего вагона на перрон спустился Брежнев. Когда встречающие подошли, всех обнял и расцеловал. Потом Леонид Ильич огляделся и спросил, что это за пара, указав на стоявших поодаль Раису и Нордмана. По жесту Андропова они подошли и представились. Узнав, что Раиса жена Горбачева, Брежнев по-отечески стал его журить за попытку спрятать от Генсека такую милую женщину. Вспомнив наставление, Михаил попросил разрешения на доклад и кратко выдал домашнюю заготовку. Брежнев молча выслушал. Потом, кивнув в сторону Михаила, спросил у Андропова.

– Это и есть твой южный самородок?

– Да, он самый, – кратко подтвердил Юрий Владимирович.

Больше вопросов не последовало. Леонид Ильич поблагодарил за доклад, вяло помахал рукой на прощание и стал подниматься в вагон. Андропов и Черненко последовали за ним. Минут через пять Андропов вышел и состав отправился.

– Вопрос решен. Готовься, Михаил, к новой работе и переезду в Москву. Раиса, вы довольны? Знаю, как давно мечтали о Москве. Теперь все музеи и театры ваши. Но, конечно, не это главное. Вы оба достойны большого будущего. В этом я уверен.

Так, буквально на ходу, действующий глава СССР с подачи двух будущих руководителей страны, в вагоне, за считанные минуты принял решение, которое выводило соавторов грядущих разрушительных реформ Михаила и Раису на высшую политическую орбиту. Это решение стало смертным приговором для одной из сверхдержав, который и будет исполнен спустя тринадцать лет.

И снова Москва. Уезжали неудачниками, а возвратились сразу на самый политический Олимп. В советские времена переезд в Москву для любого был равен получению дворянского звания. Попадание при этом в высший эшелон партийной номенклатуры тянуло не меньше, чем на графский титул. Привилегии посыпались на них как из рога изобилия. Шикарные и бесплатные квартира и загородная дача; прислуга, охрана и спецтранспорт; продовольственные заказы по цене ниже себестоимости; лучшая в Москве поликлиника; лучшие дома мод, ателье и парикмахерские; приглашения в театры и на выставки; приемы в иностранных посольствах; бесплатный проезд и пребывание на лучших советских и зару-

бежных курортах. И масса других приятных мелочей, которые в прежней провинциальной жизни и не снились.

Пицунда

На территории СССР это абхазское курортное поселение в зимнюю пору было одним из немногих, где можно было «укрыться» от московских холодов. Температура ниже нуля здесь такая же редкость, как выше нуля зимой в Москве. Согласно неписаному правилу, секретарь ЦК, курирующий сельское хозяйство, брал отпуск после окончания на селе полевых работ. Южанин Михаил после переезда в Москву зимой постоянно мерз. А в этот год уже в ноябре морозы были ниже нормы. Так что звонок из Тбилиси был кстати. Чета Шеварднадзе обычно также отдыхала зимой и приглашала провести отпуск вместе в Пицунде на государственно-партийной даче.

Эдуард Шеварднадзе уже седьмой год возглавлял Компартию Грузии. Около года как стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Имел репутацию крепкого партийного руководителя и верного ленинца, умелого борца с коррупцией. Раисе и Михаилу очень нравились теплота и взаимное уважение в семейных отношениях этой уже немолодой, но энергичной пары. Отношения Горбачевых и Шеварднадзе можно было назвать не просто дружескими, а очень доверительными. Особенно на отдыхе. Между ними давно не было закрытых для обсуждения тем. До этого они уже трижды совместно проводили отпуск в Пицунде.

Дача состояла из нескольких просторных хорошо обставленных двухкомнатных номеров и находилась в ста метрах от моря в окружении реликтовых пицундских сосен. Зимой море для купания было холодным и поэтому время делилось между процедурами, прогулками по территории и редкими экскурсиями. Иногда по средам Раиса вытаскивала друзей на концерты органной музыки в Пицундский собор.

Михаил и Эдуард сблизились еще с 1970-х годов, в бытность комсомольскими вожаками соседних советских регионов – Ставрополя и Грузии. И тогда же с первых встреч, а в одной из них, как помнит читатель, принимал участие Зденек Млынарж – пражский антисоветчик и друг Михаила, они убедились, что их взгляды на жизнь совпадают. И что крамольные разговоры о недостатках советской социалистической системы, о необходимости устранения партии от непосредственного управления экономикой, введении многопартийности, о большей самостоятельности республик не выходят «наружу», остаются между ними и не наносят вреда их успешным карьерам. Поэтому с каждой новой встречей доверительность в отношениях нарастала. К тому же Раисе было очень комфортно с женой Шеварднадзе – Нанули, которая никогда не навязывала своего мнения и всегда соглашалась с ее философскими назиданиями.

В аэропорту Адлера было пустынно и тихо. Курортный сезон давно закончился. Ни пассажиров, ни самолетов. Это сразу настраивало на приятный уединенный отдых в зимней, но теплой Пицунде. Эдуард с Нанули прилетели раньше и встречали московских гостей у трапа. После объятий с модными тогда лобызаниями, друзья разместились в двух черных «Волгах» и через час были на государственной даче. Недолго отдохнув с дороги, Горбачевы направились в номер Шеварднадзе на обед. Апартаменты грузинского лидера состояли из огромной гостиной и уютной спальни. Два балкона выходили в редкий сосновый парк, сквозь который хорошо просматривалось не по-зимнему спокойное море.

Большой обеденный стол от обилия еды и напитков выглядел роскошно. Преобладали блюда местной кухни и грузинские вина. По праву хозяина Эдуард произнес по-кавказски великолепный тост за нового кандидата в члены Политбюро Михаила Сергеевича Горбачева. Закончил его так: «Из нас двоих только у Михаила Сергеевича есть шанс стать во главе партии, так как грузин уже был ее руководителем». И разговор тут же завертелся вокруг фигуры Сталина. В ту пору, впрочем, как и после, ни одно застолье с участием грузин без этого не обходилось. После хрущевских разоблачений имя вождя всех времен и народов попало

под запрет. И только земляки продолжали считать его исторической фигурой и даже сохранили музей. Публично Эдуард придерживался официальной партийной линии осуждения Сталина за репрессии. В узком кругу выражал более умеренное мнение, оговариваясь, что правитель такой огромной и сложной страны был вынужден применять жесткие, а нередко и жестокие меры. В этот раз черту под этой бесконечной темой подвела Раиса, мудро заметив, что «после смерти Сталина прошло только 26 лет и суд истории, еще не сказал своего слова. А нам грешным не пристало быть его судьями, тем более, что правителей такого масштаба оценивают не по отдельным периодам и не за отдельные действия, а в целом с позиций соответствия или несоответствия его деятельности национальным интересам, что станет известно еще не скоро. Хотя репрессий, безусловно, оправдать нельзя».

Потом были тосты за милых и любимых женщин, солнечную Грузию и ее руководителя. Незаметно разговор перекинулся на обстановку в стране. Когда подобрались к самой актуальной в тот период теме о слабой работоспособности ведущих деятелей стареющего Политбюро, Нанули предложила перенести разговор в парк, а потом возвратиться к десерту и кофе. Так и сделали.

Едва вышли на парковую аллею, как Раиса спросила Шеварднадзе и Михаила.

– Объясните мне, рядовому члену партии, почему в ее Уставе не определен возрастной предел пребывания на партийных должностях? Из-за этого у нас не Политбюро, а дом престарелых.

– Рая, власть это похлеще наркотика. Верно, Эдуард? Мы же с тобой знаем. Так кто же будет рубить сук на котором сидит. Культура наша монархическая, хотя и называется Политбюро. Это, по сути, коллективная монархия, – будто шутя, отвечал за двоих Михаил. – Поэтому сидят, пока не вынесут. Рассказывали, на днях выступал Брежнев, а помощник по ошибке положил ему в папку два экземпляра одного текста. Так он их оба и зачитал. В зале сидел народ ко всему приученный. Сделали вид, что все нормально. Если дело пойдет так и дальше, у страны нет будущего.

Далее разговор пошел о том, должны ли лидеры страны в случае немощи уходить в отставку или перемещаться на какую-нибудь почетную должность. Вот в армии для маршалов учрежден институт консультантов. В народе ее называют «райская группа». Или как действовать, если в стране или вокруг нее складывается кризисная ситуация. Может ли при этом лидер страны применять армию внутри и за рубежом. А если он на это не готов, например по этическим соображениям, то должен ли уйти, чтобы это мог сделать другой? Вопросы, вопросы, а ответов будто и нет. Но в будущем им придется на них отвечать, и не абстрактно, а решая судьбу страны. Ответы, к сожалению, будут неадекватными, как невыученный урок.

Вдруг Эдуард, обычно пребывающий в состоянии меланхолии, горячо заговорил о ситуации вокруг Афганистана.

– Вам, Михаил Сергеевич, известно, что там конкретно происходит и какова наша позиция?

– Знаешь, Эдуард Амвросиевич, я второй год как секретарь ЦК и второй месяц – кандидат в члены Политбюро. Но так и считаюсь в Москве салагой. Ни к каким важным вопросам пока не допущен. В кулуарах ЦК много говорят об американской угрозе на афганском направлении. Устинов с Громыко будто бы уговаривают Брежнева для ее предотвращения ввести туда наши войска. Но это, повторяю, все слухи.

– Да, нехорошо, когда важные решения принимаются келейно. Я ведь тоже о многих событиях узнаю из прессы. Хотя в таких вопросах, как использование вооруженных сил, расширять круг посвященных тоже опасно. Ладно, будем надеяться, что когда время придет, спросят и наше мнение.

– И какое же оно твое мнение?

– А такое, что пора нам прекратить расширяться и играть мускулами. Давайте вспомним Финляндию, Чехословакию... За финскую компанию в 1939 году нас изгнали из Лиги Наций, за братскую в кавычках помощь чехословакам в 1968 году поспорились не только с Западом, но и с еврокоммунистами. А в глазах чехов из освободителей превратились в оккупантов. Так что пусть афганцы разберутся между собой сами. А американцам надо заявить открыто и твердо, чтобы они тоже туда не лезли. Но главное не это. Главное – отсутствие средств на такое дорогое мероприятие. У нас в стране столько дырок. Каждый день я подписываю письма в Совет Министров с просьбами о финансовой помощи республике и на большинство получаю отказ из-за отсутствия средств. Влезем в войну, останемся без штанов...

– Ну, не так все плохо, – перебил Эдуарда Горбачев, – резервы есть, но ты прав. Лучше пустить их на поддержку того же села или на развитие сельхозмашиностроения. А то у нас столько танков наклепали, что девать некуда. Но при этом есть области, где пахут тракторами довоенного выпуска. С комбайнами совсем беда. Во время молотбы теряют треть урожая. Вот видишь, ты про Афганистан, а я все за село. По Афганистану я с твоим мнением солидарен. Нам там делать нечего. Да и вообще. Пора кончать с планами о мировой революции. В ЦК, по-моему, негласно все такого же мнения, но официально, вслух озвучить его никто не решается. Боятся попасть в оппортунисты. После провала социализма в Чили, а совсем недавно и в Никарагуа стало окончательно ясно, что перспектив у мировой революции нет. Прошедшие шесть лет это ясно подтвердили. Более ни одна страна не пытается идти за нами. А еврокоммунисты Италии, Испании, Франции прямо заявляют, что советская модель их больше не привлекает.

– И еще. Когда страной руководит физически немощный лидер, ввязываться в военные конфликты вдвойне опасно. Мои надежды там, «наверху», решить хоть какие-то назревшие проблемы не оправдываются. Болезни все больше загоняются внутрь, откладываются на будущее. Престарелое Политбюро действительно не способно руководить партией и страной... Иногда думаю, а брошу все к чертям и займусь наукой. Ведь после университета я мог остаться в аспирантуре. Но тогда в Москве негде было жить. Теперь квартира есть, дочь заканчивает мединститут, замужем. Возьму в университете кафедру земельного или колхозного права. Это мне близко. Что скажешь?

– Не ожидал такого поворота. Но, думаю, что из секретарей ЦК так просто не уходят. Увидят в этом скрытый протест, да и отправят послом лет на десять в одну из банановых республик.

– А что, послом тоже неплохо. Все лучше, чем отдавать силы тому, в чем сомневаешься. Ну, не работает наша система. И как ее улучшить, не известно никому.

Зная слабость своих мужчин к разговорам, Раиса и Нанули деликатно, но твердо попросили завершать прогулку и возвращаться к столу. И здесь Раиса сообщила, что они с Михаилом готовятся стать бабушкой и дедушкой: «Дочь Ира ждет ребенка, если родится мальчик, назовем Михаилом, а если девочка – Ксенией». После этого до самого расставания беседа крутилась вокруг семейной темы и больше к политике не возвращалась.

В дальнейшем дни отдыха были похожи друг на друга как морские волны. Только поездка на высокогорное озеро Рица внесла в него какое-то романтическое разнообразие. Ярко-голубой небесный купол, аквамариновая бездонная глубина озерной чаши, изумрудная зелень сосен, пихт и елей на горах первого яруса, а над ними белоснежная гряда покрытых ледниками трехтысячников, в который раз заставили восхититься этой чарующей красотой.

А между тем приближался Новый 1980 год. Заботы о настоящем вытеснялись ожиданием очередного рубежа, который, несмотря на явный символизм, неизменно порождал больше, чем обычно, раздумий о будущем и обострял интерес к вечным вопросам бытия. Прежде всего – к жизни и смерти. Этой главной паре антагонистов. Как-то во время прогулки по сосновой роще, Михаил подошел к могучей сосне, к стволу которой была прикреплена

табличка с надписью: «сосна «Патриарх», высота 50 метров, обхват 7,5 метра, возраст более 300 лет» и, глядя вверх на крону, заговорил.

– Райчонок, – почему-то Михаил назвал жену так, как обычно обращался в молодости или в письмах, – как думаешь, от чего она такой вымахала? Рядом в тех же условиях все одинаковые, а она, действительно, как патриарх над ними.

– Естественный отбор, Миша. Всею причина природа. Все как у людей. Вот я постоянно болею. Потому что родители мои такие. А ты когда-нибудь болел? При мне такого не случилось. Твоя мама как эта сосна, а ты в нее. Так что до ста лет проживешь. Правда, в утешение таким, как я, болящим, придумали пословицу: «больное дерево долго скрипит». Но я на это не надеюсь. Скоро или чуть позднее мой ревматизм меня добьет...

– Ты это брось. Под Новый год и такие мысли.

Михаил хотел добавить, что с переездом в Москву настоящая жизнь только началась и еще столько предстоит сделать из задуманного, и что медицина творит чудеса, но тут увидел, как по аллее в их сторону необычно быстро идет Шеварднадзе.

– Михаил Сергеевич, Раиса Максимовна, я уже полчаса вас ищу, – не доходя, почти прокричал он. – Вы, наверно, ничего не знаете. По радио передали, что наши войска вошли в Афганистан. Новым руководителем страны стал некто Кармаль. Прежний – Амин, погиб при неясных обстоятельствах.

Некоторое время все молчали. Как будто и «ожидаемая» новость, но все же думалось, что обойдется. Не обошлось. Первым отреагировал Михаил.

– Надо же, двум кандидатам в члены Политбюро о таком решении даже не позвонили. Стыдоба. Необходимо ехать в Москву, а тебе Эдуард – в Тбилиси.

Собрались быстро. Тепло попрощались и разъехались. Никто, и они в том числе, не предполагали, что Афганистан это надолго и что именно Михаилу и Эдуарду через десять лет придется принимать очень непростое решение о выводе оттуда советских войск.

«Архитекторы»

Служили в ЦК КПСС два товарища. Анатолий Черняев уже много лет работал консультантом в международном отделе. После фронта окончил исторический факультет МГУ, защитил диссертацию по истории Британской империи и был приглашен в консультанты. Потом два года работы в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге и возвращение в этот же отдел. Работу в чешской столице он вспоминал как курорт. Поэтому и работой эти годы не назовешь. Больше бездельничал в кампании поговорить и попить пива. Между собой сотрудники журнала называли его гнездом оппортунистов или позолоченной оппозицией. Отсюда и вышли потом ставшие известными перестройщики Ю. Карякин, два Георгия – Арбатов и Шахназаров, В. Лукин, Мераб Мамардашвили и другие либералы от марксизма-ленинизма.

Был Черняев невероятно трудоспособным и талантливым в написании статей, речей и аналитических документов. Мастером по превращению идей начальства, нередко озвученных по телефону, в статьи и даже книги. Имел две слабости: вино и женщины. Однако с ног никогда не валился. И от жены жалоб в ЦК не поступало. Поэтому его долго и не продвигали и не выгоняли. Но эксплуатировали на полную катушку.

В это же время в отделе пропаганды работал другой фронтовик Александр Яковлев. Происхождением из среды староверов, тоже способный, но без явных слабостей. Критичный до злости. Его карьера поначалу складывалась весьма успешно – за восемь лет он поднялся от инструктора до исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды. Но заведующим все не назначали. Так и работал с неприятной и даже унижительной приставкой «и.о.» четыре года. Поговаривали, что против был член Политбюро, Председатель Комитета госбезопасности Андропов, который якобы имел на него компромат со времен стажировки Яковлева в Колумбийском университете США.

Явный разрыв в служебном статусе не мешал Анатолию и Александру оставаться друзьями. Особенно сближало таких разных партаппаратчиков их фронтовое прошлое и нетрадиционный взгляд на социализм. Оба считали, что в нем много бюрократического и мало человеческого.

Приближалось 50-летие образования СССР. Страна готовилась к юбилейным торжествам. В научных и партийных учреждениях писались доклады и статьи на тему юбилея. В некоторых из них утверждалось, что сожителство республик в рамках Союза привело к утрате их национального своеобразия. Авторы таких трудов призывали уделять больше внимания самобытным историческим истокам, отрицали наличие классовых противоречий в истории развития народов СССР. Также впервые ставился вопрос об ущемлении статуса русских как образующей государство нации. В этой обстановке Черняев предложил Яковлеву совместно подготовить и опубликовать за его подписью в популярной тогда «Литературной газете» статью о национальной политике КПСС. Статья получилась фундаментальной и выглядела как попытка перехвата влияния и претензию на лидерство в высших идеологических партийных кругах. К тому же появилась она без санкции главного идеолога партии Сулова и Политбюро. Но главной «крамолой» в статье, способной поспорить КПСС с интеллигенцией, Брежнев и Сулов посчитали заявление Яковлева, что «надо вернуть народу Сталина». Такая инициатива, мягко говоря, не поощрялась. В ходе разбирательства всю ответственность за публикацию взял на себя Яковлев. В результате на десять лет он оказался в почетной ссылке. Послом в Канаде. Позже в годы перестройки иначе как душегубом и иродом Яковлев Сталина не называл. Есть и иная версия о причине «ссылки» будущего архитектора перестройки. Александр Бовин говорил Черняеву и Арбатову, что Яковлев в беседах с подчиненными обзывал Брежнева тупой серостью и тому кто-то «доложил».

Черняева с его невысокой должности понижать было некуда. Но подозрение в вольнодумстве долго не снимали. И как потом выяснилось – не напрасно. Поэтому когда новый Генеральный секретарь ЦК Горбачев предложил работу помощника, а фактически одного из архитекторов нового политического мышления во внешней политике, без раздумий согласился. Через время с помощью Яковлева он подготовил визит Горбачева в Канаду для изучения опыта работы фермеров. По-нашему – местных сельхозпроизводителей. Там, вдали от Москвы, и состоялось близкое знакомство еще одного «архитектора» и «прораба» Перестройки.

После встречи и обеда Яковлев пригласил высокого гостя в посольский сад прогуляться. Служба безопасности не рекомендовала вести серьезные разговоры в помещениях посольства. Вспомнили о прошлых встречах и, особенно, о совместной поездке на съезд одной из братских компартий, в ходе которой выяснилась близость их взглядов и оценок на положение в стране и мире. Потом уточнили программу визита.

– Знаешь, Саша, когда меня ставили на сельское хозяйство, Брежнев сказал: «Надо решить вопрос с мясом. Для этого вас и взяли из Ставрополя. Справитесь?» Это был 1978 год. Прошли годы, а ситуация с мясом не улучшилась. Бьюсь, бьюсь, а толку мало. Объемы производства растут, а на прилавке его все меньше. Армию, тюрьмы, больницы, школы, заводские столовые еще обеспечиваем, но магазинам достаются крохи. А народ судит власть по прилавку. Вот хочу посмотреть, как канадцы управляют с этим.

– Посмотреть мы тебе обеспечим, но вопрос в том, как их опыт применить у нас? Их правительство, говоря твоими словами, бьется над тем, как не допустить перепроизводства сельхозтоваров и мяса в том числе. Иначе – падение цен и банкротство фермеров. Системы-то разные. Мы в период индустриализации из села все соки выжали и теперь ни прямые дотации, ни регулярное списание долгов колхозам и совхозам не помогают. Скажу крамолу, но другого выхода не вижу – надо отдавать землю крестьянам в собственность, а колхозы распускать.

– Я тоже к этому склоняюсь, но это же революция. Сейчас даже заикаться на эту тему бесполезно. Недавно Сулов с гордостью докладывал в Политбюро о том, что в Сибири и на Севере исчезли последние кустари, а колхозы фактически из артелей превратились в государственные сельхозпредприятия, подобно совхозам... Надо в ЦК стягивать свои силы. Пора и тебе возвращаться в Москву. Приеду и поставлю этот вопрос перед Генсеком.

Горбачев был в Канаде неделю. И все это время они много говорили с Яковлевым о возможных путях реформирования партии и советской системы. При отъезде, Михаил полупуть заметил: «Архитектуру реформ, я вижу, ты здесь за десять лет продумал хорошо. Осталось решить, кто возьмет на себя роль прораба». В контексте их бесед это прозвучало как явная заявка Горбачева на эту роль.

По возвращении в Москву Андропов пригласил Горбачева для доклада о поездке в Канаду. Когда он вошел в кабинет Генсека, там уже был и недавно переведенный из правительства на должность секретаря ЦК по экономике Рыжков. Именно с этими двумя относительно молодыми деятелями новый руководитель СССР связывал свои планы по возвращению стране былого динамизма. Горбачев отвечал за аграрную отрасль, Рыжков – за промышленность. В отличие от Михаила, который по-крупному ничего кроме комсомольско-партийного пороха не «нюхал», Николай Рыжков прошел закалку на «Уралмаше» – крупнейшем предприятии страны от рабочего до его руководителя и к пятидесяти годам стал первым заместителем главы Госплана СССР.

Генсек тяжело дышал и говорил с трудом. Болезнь заметно прогрессировала. Сомнений не оставалось. Жизнь его подходила к закату. Но сдаваться он не хотел и все оставшиеся силы направлял на попытки хотя бы что-то успеть сделать из задуманного. Один из немно-

гих оставшихся большевиков в руководстве партии пытался вылечить страну и советскую систему от застоя. При этом он делает фатальную ошибку – ставит на Горбачева, коего многие годы считал единомышленником, но который таковым не был и умело скрывал свои замыслы по уничтожению социализма. Ошибся он и в Рыжкове. Этот способный, честный и преданный советской системе деятель не имел решимости отстаивать свою позицию. Так что бывший руководитель мощнейшей в мире спецслужбы в людях ошибался часто и по-крупному. Достаточно хотя бы вспомнить историю с его многолетним протеже генералом КГБ Олегом Калугиным, осужденным впоследствии российским судом за разглашение США сведений, составляющих государственную тайну.

– Михаил Сергеевич, рассказывайте, что полезного привезли из Канады, – предложил после приветствия Генсек.

– Да, доложить есть что.

Затем он долго и подробно поведал о впечатляющих успехах канадских фермеров и предприятий в производстве и переработке сельхозпродукции. Андропов слушал внимательно, не перебивал и только делал короткие заметки в рабочей тетради.

– Вижу, их опыт вам понравился, так?

– Да, Юрий Владимирович, очень.

– Тогда дело стало за малым – внедряйте этот опыт в наше сельское хозяйство. У вас все, Михаил Сергеевич? – подвел итог Андропов.

– По поездке все. Но есть, Юрий Владимирович, еще один вопрос, кадровый. Правда, не по моей, так сказать, епархии. Разрешите?

– Что еще. Наверно, речь о Яковлеве?

– Именно о нем. Уже десять лет сидит он в Канаде. Не пора ли его возвратить? Он опытный работник, а здесь таких, особенно сейчас, когда вы разворачиваете страну на новый курс, очень не хватает.

– Ну, насчет нового курса вы перегнули. Курс у нас прежний – больше социализма. И в этом деле он не помощник. Скорее наоборот. Особенно опасно подпускать его к идеологии... Помолчав, Андропов добавил: – Вот пройдоха, уже и к вам подобрался. Николай Иванович, – обратился он к Рыжкову, – вы знакомы с Яковлевым?

– Лично нет, Юрий Владимирович, но слышан. Читал когда-то его нашумевшую статью в «Литературной». Меня она поразила лицемерием в части отрицания классового подхода и откровенной непартийностью.

– И я об этом. Мелкий интриган. Нечего ему здесь делать. Пусть сидит в Канаде.

Вскоре Андропов умер. У власти временно, фактически в роли местоблюстителя, оказался больной и безвольный Черненко. И только в этой ситуации «архитектор» грядущей перестройки Яковлев с помощью ее будущего «прораба» Горбачева смог возвратиться в Москву. Однако сразу в ЦК протащить его не удалось. Тогда Горбачев, который стал вторым человеком в партии, «делает» Яковлева директором Института мировой экономики и международных отношений, депутатом Верховного Совета СССР, членом-корреспондентом Академии наук. И уже потом, когда Горбачев станет Генсеком, Яковлев будет избран секретарем ЦК и членом Политбюро.

Смотрины в Лондоне

О Михаиле и Раисе еще чаще стали писать в самых престижных зарубежных газетах и журналах. Из поездки в Канаду он привез много вырезок из газет со своими фотографиями и интервью. Думал ее порадовать. Но она обиделась за то, что поехал без нее. Пришлось долго убеждать, что такой порядок. Она не соглашалась и упрямо твердила, что порядок негодный и требует изменений.

– Хватит советским руководителям делать вид, что у них жены или умерли, или годятся только для кухни. Если кто-то стыдится, пусть ездят сами. А ты, Михаил, больше один не поедешь никуда. И по стране тоже.

Но на этом разговоре она не успокоилась. Когда из Англии Михаилу пришло приглашение посетить их парламент во главе делегации Верховного Совета, она позвонила Председателю Президиума Верховного Совета и получила разрешение на поездку с мужем. С этого времени они везде ездили только вместе.

После пражских событий в борьбе двух систем более чем на десять лет наступило негласное перемирие. Это были и самые лучшие годы Утопии, в которой многие из нас жили и оценили которую только после утраты. Но с ухудшением здоровья Брежнева страна вместе с ним стала ветшать и слабеть. Это состояние оживило надежды ее противников на реванш. В Лондоне собрались лучшие специалисты по Советам. Их анализ привел к выводу, что наступает время решающего удара по Кремлю. И лучший для этого способ – продвижение на пост главы партии и государства либерально настроенного лица из нового, не прошедшего сталинскую школу, поколения. При этом следует вовлечь его в борьбу против общих угроз, за мир без насилия и войн. В борьбу за возрождение погрязших во многих регионах мира общечеловеческих ценностей. Прежде всего, прав и свобод людей. В этом процессе собственно социалистические ценности потеряют привлекательность и растворятся в неизбежном стремлении людей от страстей, стесненной идеологией к страстям необузданным и свободе в обладании материальными благами и обогащении. Как только идеологический хребет будет сломан, советская система рухнет. Для реализации завершающего этапа операции был создан объединенный американо-британский комитет под названием «Преемник», общее руководство которым взяла на себя британский премьер Тэтчер.

В этот период в высшем руководящем органе страны «несталинистов» было двое – Романов и Горбачев. Но только второй, по их убеждению, подходил на отведенную роль. Романов в стране и за рубежом имел репутацию ястреба. Да и фамилия напоминала о царской династии, приведшей в начале XX века Россию к катастрофе. Другое дело Горбачев. К этому времени о нем знали все или почти все. И все же было решено перед окончательным решением пригласить его на смотрины.

Перед встречей на стол Тэтчер легло его подробное досье. Второй экземпляр был направлен за океан в Белый дом. В нем содержалась подробная характеристика четы Горбачевых: «Он и она идеалисты. Верят в нравственную политику и мир без насилия. Она умная, властная, честолюбивая, жесткая. Он – посредственного ума, властолюбивый и упрямый, но ей во всем подчиняется. Склонен к лукавству и макиавеллизму, компромиссам ради компромиссов и бесконечным маневрам с целью уклонения от принятия решений. Пленник навязчивых туманных идей. Не ортодокс. Скорее оппортунист. Несмотря на два высших образования, фундаментальными знаниями не обладает. Так как ни юриспруденцией, ни экономикой практически не занимался. Партократ со слабой теоретической базой. Начетчик в марксизме. Иностранных языков не знает. В общении многословен. Поэтому плохо владеет диалогом. Любит назидать прописные истины. Явного хобби нет. Созерцатель. Сибарит. Высокомерен. Самодовольный. Соглашатель. Нерешительный. Двойственен. Одной ногой в комму-

низме, другой – на либерально-демократической почве. Похоже, что мечтает в корне изменить советскую систему и встать во главе новой. Душевная и интеллектуальная организации без выраженной индивидуальной окраски. В употреблении алкоголя умерен. Сексуально не активен. Во внебрачных связях не замечен...»

На встречу с Тэтчер Михаил прибыл с Раисой. Уже тот факт, что главу обычной парламентской делегации пригласила на беседу и обед глава британского кабинета в свою загородную резиденцию Чекерс, где принимают только глав государств, да еще с женой, превратило визит из рядового – в знаковый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.